

Нора Георгиевна Адамян
Девушка из министерства

— Рузанна Аветовна, к министру!

Начальник отдела Иван Сергеевич осторожно опустил телефонную трубку и, вобрав голову в плечи, снова зашелестел бумагами.

Рузанна, как всегда, не то чтобы заволновалась, но почувствовала «ответственность минуты», как говорила Зоя — инженер отдела.

Задвинув ящики, Рузанна достала из сумочки платок, провела гребенкой по волосам,правила узкое синее платье и, выходя, помедлила у дверей. Зоя оглядела ее, покивала головой и одобрительно поморгала. Это означало: «Все в порядке, хорошо выглядишь, будь спокойна».

У Тосуняна только что кончилось совещание. Даже в приемной было накурено. Люди выходили, вытирая лбы. Секретарша открывала в кабинете форточки.

Министр подозвал Рузанну жестом, не изменив недовольного выражения лица. Невысокий, худой, он сидел, привалившись к ручке большого кресла, и занимал очень мало места. К его огромному пустынному письменному столу куда больше подошел бы директор центрального кафе Баблоев, стоявший сейчас перед министром. Баблоев был похож на скульптуру — выпуклый, широкий, с откинутой, в крутых завитках, головой.

Все в министерстве знали Баблоева. Часто появлялся он и в отделе капитального строительства, каждый раз молча клал перед Рузанной и Зоей по конфетке и, бесшумно покружившись по комнате, уходил, оставляя сладкий запах шипра и чесночный — хаша.

— Какой у него изумительный плащ! На клетчатой подкладке, — восхищенно говорила Зоя. — Вот бы Рубику!

— Кушите, — лаконично советовал Иван Сергеевич.

— Да-а, купишь... Я у него спросила, сколько стоит. Смеется. Я говорю: «Тысяча?» Отвечает: «Половина». Значит, две тысячи.

— Пятьсот тридцать три рубля семьдесят две копейки. Фабрика имени Димитрова. Получены сто пятым и шестнадцатым магазинами.

Сведения Ивана Сергеевича всегда были полными и точными.

Зоя ахала, звонила мужу, томясь ждала перерыва, мчалась в магазин и потом возвращалась, притихшая и разочарованная. Плащ, так великолепно сидевший на Баблоеве, имел совсем другой вид на длинноруком, узкоплечем Рубике и относительно своей ценности никого в заблуждение не вводил.

И сейчас на Баблоеве был отличный светло-серый костюм. Но лицо его выражало растерянность и напряженное внимание. Он слегка покосился на Рузанну крупным, как слива, глазом и приветствовал ее едва уловимым поклоном.

Маленькая темная рука Тосуняна нащупала и отшвырнула коробку спичек. Губы его брезгливо искривились.

— На скатерти вот такие пятна... — Он растопырил пальцы. — На улицу чадом несет. В центре города безобразие устроил.

Он говорил, как всегда, отрывисто и глухо.

Баблоев выждал приличную паузу.

— Енок Макарович, а мое выполнение финансового плана? Почему вы с этой стороны не подходите?

— Пивом тоже торгуешь? — раздраженно спросил Тосунян. — Нет, я удивляюсь, — он хлопнул ладонью по столу, — почему это в любом доме хозяйка стол накроем — приятно смотреть! В чем дело? Секрет, что ли?

Тосунян взглянул на Рузанну, предлагая ей вступить в разговор. Но Рузанна молчала.

Сегодня представление о празднично накрытом столе вызывало в ее сердце горечь и досаду. На это были особые причины.

Баблоев развел руками. «Чего не могу, того не могу», — выражал его покорный вид.

— Иди, — отослал его Тосунян.

Баблоев нехотя пошел к двери и, взявшись за ручку, постоял, прислушиваясь к тому, что говорил министр. А он уже обратился к Рузанне:

— Вот что, из этой забегаловки надо сделать приличное кафе. Чтоб люди туда ходили посидеть, поговорить. Чтоб туда женщины с детьми ходили... Ну?

Он был нетерпелив. Ему хотелось, чтобы собеседник сейчас же всем существом понял его мысль и проникся его планами.

— Понимаешь, настоящее кафе!

Он не спрашивал. Он утверждал.

Рузанна понимала. Она представила себе просторный светлый зал, стены, разрисованные так, будто границы помещения раздвинуты до горизонта. На окнах тяжелые занавеси. Над каждым столиком своя лампа. Столы квадратные, больше обычных ресторанных. Здесь подавали бы настоящий душистый кофе в маленьких чашечках и крепкий, очень горячий чай в тонких стаканах.

Стаканы и их содержимое было вне ведения Рузанны. Пожалуй, вся обстановка кафе — тоже. Но Енок Макарович никогда с этим не считался.

— Значит, проследишь, — приказал он, когда Рузанна высказала ему свои соображения. — Доложишь мне. Выполнение не задерживай.

Всем своим сотрудникам Тосунян говорил «ты».

— Надо хорошего художника, — заметила Рузанна, — это всегда дорого.

— Ничего. Пусть со вкусом будет. Солидно.

Зазвонил телефон. Тосунян снял трубку. Когда Рузанна выходила из кабинета, он кричал:

— Почему восемь вагонов? Я сказал — десять. Никаких восемь!

В длинном коридоре, устланном ковровой дорожкой, Рузанну настиг Баблоев.

— Какой человек! — восхищенно сказал он. — Даже пятно на скатерти заметил!

Рузанна молчала. Но Баблоев должен был узнать, чем кончился разговор в кабинете, как этот разговор мог отразиться на судьбе Баблоева и что нужно предпринять, чтобы отвратить неприятность.

— Семейному человеку для чего кафе? Он у себя дома выпьет. Кафе для такого человека, который целый день по служебным обстоятельствам вне дома находится. Оторван от семьи. Например, шофер такси. О нем мы должны думать. Или командировочный. Я так понимаю свои задачи. Забота о человеке. И фин-план.

У дверей с дощечкой «Отдел капитального строительства» он придержал Рузанну за локоть.

— Все же — что теперь будет?

— Капитальный ремонт и реорганизация, — сухо ответила Рузанна.

— Я этим детским садом руководить не смогу, — с горьким достоинством заявил Баблов. — Я человек коммерческий. Учтите.

Рузанна это не касалось. Но оскорбленному нужно высказаться. К счастью, Баблов остановил проходящего мимо работника бухгалтерии:

— Хотелось бы получить справочку...

И Рузанна ушла к себе.

Ивана Сергеевича в комнате не было. Зоя, пользуясь перерывом, беседовала с мужем по телефону. Она обсуждала с ним события сегодняшнего утра, вчерашнего вечера, говорила о вещах уже известных им обоим. Закончить разговор ей было очень трудно, особенно если речь шла о шестимесячном Левончике.

— Ты думаешь, зубок рано прорезался? Нет, в консультации сказали — нормально. Да, да, о ложку стучит. Я сперва испугалась, думала — камушек попал в кашу. Что? Один. Ты видел? Беленький, неровный... Погоди... Я что-то еще хотела сказать... Ах, да. Значит, зайдешь за мной?

Когда у детей начинают расти зубы? Рузанна этого не знала. Она прислушивалась к разговору, положив на стол руки. Обеденный перерыв прошел, но есть и не хотелось. Теперь надо подчистить все дела, привести в порядок ящики, ответить на письма — так Рузанна поступала всегда перед началом новой работы.

В комнату вошел Иван Сергеевич. Зоя деловым голосом закончила:

— Больше я тебе ничего сказать не могу. До свидания. — И негромко добавила: — Цок, — что означало «целую очень крепко». Иногда она говорила: «Оск» — «очень скучаю».

Такие разговоры происходили ежедневно, и Рузанна относилась к ним со снисходительностью старшего. Но сегодня болтовня Зои была неприятна, так же как упоминание Тосуняна о праздничном столе.

Он будет сегодня дома, праздничный стол, хочет этого Рузанна или не хочет. Мама, как всегда, движимая любовью и чувством долга, с пяти часов утра возилась на кухне. Перед тем как уйти на работу, она предложила: «Может быть, ты хочешь сегодня кого-нибудь пригласить?»

Хорошо праздновать день рождения в детстве или в юности, когда радуешься всякому поводу для веселья. Девушке в тридцать три года радоваться нечему. Но родителям этого не скажешь. А любовь их, видно, не может подняться настолько, чтобы они забыли отметить этот день.

Мама возвращалась с работы раньше всех. Она преподавала в сельскохозяйственном техникуме и была всегда занята в утренние часы. Когда Рузанна пришла домой, комнаты были уже празднично прибраны, в вазах стояли цветы поздней осени — мелкие коричневые и розовые хризантемы.

На стол мама поставила лишние приборы.

— Кого это ты ждешь? — спросила Рузанна.

— Ну, не знаешь, что ли, отца? Обязательно притащит кого-нибудь.

Отец приехал с дядей Липаритом. Из своего потрепанного «газика», который дворовые мальчишки презрительно звали «босоножкой», он вытащил небольшой пузатый бочонок и внес его в дом.

— Тебе, дочка, подарок от нашего совхоза. Первое вино этого года. Видишь, мы не забываем добро, как некоторые утверждают...

Он искоса поглядывал на жену.

— У-у, бессовестный, — сказала мама, — девочка все лето спину гнула над вашими проектами, а вы десятью литрами вина отделались?

— Что ж, мы люди бедные, — вздохнул отец и подмигнул дяде Липариту, — нам всегда помочь надо.

Он всерьез считал, что для всех его домашних дела совхоза такие же близкие и кровные, как и для него самого. Рузанна должна была составлять проекты сушильни, винного погреба, жилых домов, всего, что потребуется, — и без всякого вознаграждения.

«Ах, какая хорошая практика для тебя, дочка! Разве нет?» — спрашивал отец, хитро щуря глаза.

Он и маме сделал одолжение. Предоставил ей участок земли для ее опытов по разведению кормового сорго, а потом мало того, что весь урожай забрал в совхоз, так еще и не позволял отвести от виноградников канаву для поливки опытных участков. Рузанна помогала матери таскать воду за полкилометра, пока не вступился дядя Липарит — секретарь партийной организации совхоза. Мама тогда сказала: «Я тебя понемногу раскусила, Авет. Ты по своей натуре — эксплуататор».

Отец обиделся всерьез. Проходили дни, недели, он нет-нет снова спрашивал с обидой в голосе: «Нет, Ашхен, все же мне скажи: что ты имела в виду, когда назвала меня эксплуататором?»

Легкое, пенящееся молодое вино не такой уж плохой подарок! Его налили в графин и поставили на стол.

К обеду пришла мамина приятельница, тетя Альма. Перед едой выпили за Рузанну. В прежние годы отец говорил: «Желаю в жизни счастья, полного до верха, как этот стакан». Сейчас он сказал:

— Будь здорова, дочка.

Рузанна невольно отмечала эти мелочи. Что-то недоговоренное было в ее празднике, будто каждый боялся тронуть больное место.

В кухне, разливая по тарелкам суп, Рузанна услышала, как возмущается тетя Альма:

— В землю бы я втоптала нынешних мужчин. Ну что им еще надо? Девушка — чистый алмаз.

Раньше отец на такие речи сердился: «Мне моя дочь еще не надоела!» Теперь он молчал.

Мама сказала нерешительно:

— Нам с ней трудно было бы расстаться...

— Оставь, пожалуйста! Сама спишь и внука во сне видишь, — бесцеремонно оборвала ее тетя Альма. — Знаешь, притча есть. Плакала перед свадьбой девушка, причитала. Отец пожалел дочь и говорит: «Давай, я сейчас и жениха, и гостей прогоню, оставайся дома». А умная дочь ответила: «Нет, батюшка, и голосить — закон, и выходить — закон!» А тут такая девушка — и умна, и хороша, и образование имеет.

На кухню доносилось каждое слово. Тетя Альма, конечно, сильно преувеличивает. Знает с детства и потому любит. Зоя тоже сказала: «Чем больше я тебя узнаю, тем больше ты мне нравишься». Но это все не так. Надо посмотреть со стороны, глазами чужого беспристрастного человека. Все в ней среднее, незаметное. Ни одной яркой черты. А время с каждым годом что-то уносит...

Дядя Липарит стукнул стаканом о стол.

— Проклятая война...

Студенческий товарищ мамы и отца, он хотел, чтобы Рузанна вышла замуж за его сына Алика. Еще когда Рузанна была маленькой девочкой, дядя Липарит, входя в дом, с порога кричал: «Где моя любимая невестка?»

Алика убили на войне. Но вряд ли Рузанна вышла бы за него. Они росли, как брат и сестра. Рузанна не любила Алика по-настоящему. Она никого не любила, и ее никто не полюбил. Просто так случилось, и война тут ни при чем. Но нельзя так долго стоять на кухне. Надо выйти, посмеяться над собой, пошутить. Это самое правильное.

— Вы уж как-нибудь примиритесь с тем, что ваша дочь осталась в старых девах. И не грустите по этому поводу. Лучше послушайте, какое кафе откроется на углу площади. Стены расписные, на полу ковры. И приглашен специалист, который знает пятьдесят рецептов варки кофе.

— Это где же? — спросил отец. — Где сейчас закусочная?

— Вы на него посмотрите! — возмутилась мама. — Он все закусочные города знает!

— А что я, не мужчина?

Дядя Липарит снял со стены тару. Мама и тетя Альма запели тонкими голосами веселую девичью песню про красные башмачки:

Башмачок ты мой маленький,
Точно роза, мой аленький...

Рузанна легко поплыла по комнате, плавно изгибая руки и отвернув в сторону лицо. Отец дробно бил по сиденью стула, как в бубен.

Дядя Липарит держал тару высоко, у самого подбородка, и, полузакрыв глаза, весь отдавался музыке.

Кончив танцевать, Рузанна взмахнула платком и объявила:

— А оформлять и оборудовать новое кафе буду я!

* * *

Можно было закончить эту работу быстро. Но неизвестно, сколько времени потребуется художнику.

В длинном зале с невыветрившимся винным духом орудовали штукатуры, с грустным лицом бродил Баблоев. Рузанна побывала на складе, отвергла яркосиний плюш, выбрала пепельно-желтый атлас.

Зоя сказала:

— По-моему, для портьер будет марко.

Рузанна возразила:

— Зато красиво.

Между двумя инженерами отдела не возникало разногласий. Как-то незаметно к Зое переходили объекты жилищного строительства. Сейчас в эксплуатацию сдавался большой жилой дом, и Зоя была членом комиссии по распределению квартир. Целые дни она разъезжала, обследуя бытовые условия жизни сотрудников, претендующих на площадь в новом доме. У входа в

министерство ее всегда кто-нибудь ждал. «Вы сами видели, как у нас тесно, правда?»

Зоя не давала неопределенных, уклончивых ответов. Не говорила «посмотрим», «обсудим», «выясним»...

Она умела решительно ответить: «Да, у вас тесновато, но потерпеть можно. Другие в худших условиях».

Рузанна не любила квартирных дел и старалась теоретически обосновать такое отношение к ним:

— Надо приучаться к общественной жизни. Питаться в столовых, приглашать друзей не домой, а в кафе. Будет шире общение, больше встреч, впечатлений. Люди научатся лучше понимать друг друга.

— Это тебе кажется, потому что у тебя нет своей семьи, — возражала Зоя. — Меня, например, после работы как-то совсем не тянет общаться с чужими людьми. Мне хочется общаться со своим ребенком и мужем.

У Зои не было намерения уколоть подругу. Она просто говорила то, что думала.

Рубик каждый день ждал Зою на улице возле министерства. Брал ее под руку, и они уходили, о чем-то горячо переговариваясь и перебивая друг друга.

Рузанна шла домой одна. Она и в кино ходила одна. Мама к вечеру очень уставала. Было неприятно, когда, выходя из кино или театра, кто-нибудь вспоминал: «Ах, надо ведь еще проводить до дому Рузанну...»

Тетя Альма доказывала:

— В старое время были и неплохие обычаи. Вот мы теперь над сватовством смеемся. А разве мало устраивалось счастливых браков? Узнавали, где есть хорошая, скромная девушка, знакомили...

— Глупости это, — говорила мама, — а вот когда мы были молодые...

И она вспоминала свой рабфак, лапти из сыромятной кожи, в которых пришла из села в город, песню «Мы молодая гвардия»...

Вероятно, маме казалось, что она и до сих пор не изменилась. Так же худа, так же черна. И Авет не изменился, хотя в те времена был тоненький, словно

ящерица, и держался строго, как и подобало секретарю комсомольской ячейки. И никто не сводил, не знакомил, не сватал. Сами нашли друг друга.

Тетя Альма все жужжала:

— Девушка никого не видит — служба и дом, дом и служба...

По ее мнению, ни дома, ни на службе не могло произойти ничего интересного. И вообще, для тети Альмы жизнь была делом обязательным, но утомительным. Убирала ли она квартиру, стряпала ли обед, готовилась ли к празднику или шла в гости — все требовало от нее непомерных усилий.

Она тщательно записывала рецепт маминого печенья, переспрашивала, уточняла. Придя домой, немедленно звонила по телефону:

— Ашхен, я не поняла, тонким стаканом сахар отмерять или граненым?

Немного погодя звонок раздавался снова:

— Ашхен, я не понимаю — как это положить соду на кончике чайной ложки?

— Ну, клади пол-ложки, это не имеет значения, — устало отбивалась мама.

— Как это не имеет значения? Нет, я лучше приеду!

Она приезжала с другого конца города, чтобы мама отмерила соду.

И все же ей смутно казалось, что существует другая жизнь — интересная, полная развлечений и веселья... Был какой-то «круг», в котором девушки находили женихов и выходили замуж. Тете Альме очень хотелось приобщить Рузанну к этому «кругу». А у Рузанны было достаточно разнообразия и развлечений на работе.

Министерство получило оборудование для автоматов-закусочных. Об этом проведал Баблоев. Весь день он проторчал у стола Рузанны. Новое кафе, в котором шел ремонт, его «творчески не увлекало». Ему хотелось попробовать свои силы на поприще закусочных.

Министр позвал Рузанну и спросил:

— Твое мнение — где открыть?

Рузанна назвала людную улицу на слиянии двух магистралей.

— Недопонимаешь, — поморщился Енок Макарович. — Ты подумай — кому надо быстро и дешево закусить? Я считаю, этот автомат к предприятиям надо придвинуть.

— На каждом предприятии есть своя столовая...

— Ничего. Это новинка. Привлечет народ. Вот на улице Мира — деревообделочная фабрика, механический завод, ремесленное училище, школа. Горячие завтраки, а?

Узнав об этом, Баблосев помрачнел:

— У меня от таких решений инфаркт будет...

Когда Рузанну второй раз за день вызвали к Госуняну, она подумала, что речь опять пойдет об автоматах, и даже захватила с собой документацию, но оказалось, что нужно куда-то ехать.

Спрашивать ни о чем не полагалось. Ехали недолго. С широких улиц свернули в кривые узкие переулочки, обнесенные глиняными заборами. Казалось, что массивной машине там и не повернуться, но шофер Геворк с ювелирной точностью провел машину к деревянной калитке.

В стороне от садовой дорожки рвалась, натягивая веревку, молоденькая пепельно-серая овчарка. Она не столько лаяла на чужих, сколько визжала, видимо не привыкшая к привязи. Проходя мимо, Рузанна тихонько пощелкала пальцами, и собака сразу доверчиво завилала хвостом, прижала к голове острые уши и заскулила еще жалобнее.

О приезде министра хозяева, конечно, были предупреждены. Через застекленную дверь веранды было видно, как навстречу Еноку Макаровичу идет человек, поправляя на себе только что надетый серый пиджак.

Рузанна не могла вспомнить, откуда ей знакома крупная, чуть откинутаая назад седая голова, резко очерченное лицо, глаза с внимательным и привычным прищуром. Уж очень далек был круг интересов, которые ее занимали, от мира, куда ей сейчас предстояло войти. Но когда открылась дверь и раздались слова приветствия, она тотчас узнала художника, имя которого стало выражением яркости и буйства красок.

Енок Макарович подтолкнул Рузанну вперед, и она ощутила мягкое, теплое рукопожатие хозяина.

Они поднялись по внутренней лесенке в мастерскую — огромную комнату без окон, со стеклянной крышей. Серый осенний день остался за пределами дома. Здесь горело солнце. Солнцем были освещены разбросанные по полотну оранжевые персики и лиловые баклажаны. Солнце лежало на склонах гор, поднимающих к небу красные вершины. Солнце дожелта выжгло квадраты полей, раскинутые на холмах, облило зноем сонную улицу старого города, осыпало розовым светом искривленное деревцо персика.

Рузанна узнавала все. Алые маки, собранные в пучок с пахучими травами, были цветами ее детства. Синие каменные горы, уходящие в небо квадратными тяжелыми башнями, стояли на родине ее матери. Село, которое лепилось у их подножия, было изображено несколькими мазками желтой краски, но именно таким оно казалось издали, когда Рузанна с бабушкой поднималась к нему с полей.

Думалось, что написать это легко и просто: зеленый квадрат, рядом желтый, густо-лиловая полоса сверху... А на полотне отражен кусок родной земли, и нельзя от него оторваться!

Картины были развешаны, стояли на подрамниках и просто прислонены к стенам.

С портретов, намеченных широкими мазками, смотрели живые человеческие глаза — то добрые, то суровые.

Медленно переходя от картины к картине, Рузанна едва обратила внимание, что в мастерской, кроме них, был еще юноша, сперва ей даже показалось — мальчик.

Подчиняясь молчаливым указаниям — кивку головы, жесту художника, — он раскладывал и развешивал небольшие полотна, этюды, наброски, щурясь на свет и выбирая место для каждой картины.

Енок Макарович негромко говорил о чем-то с художником, но Рузанна не слушала. Она хотела захватить как можно больше впечатлений от этой

чудесной комнаты. Вдоль стены тянулся длинный стол, заставленный самыми неожиданными вещами. Кроме кистей, красок, бутылочек и флаконов, здесь возвышалась заржавленная лейка, горшок с засохшим стебельком, лежали книги, старинная шкатулка, отделанная бронзой, глиняные кувшины, медное блюдо, какие-то черепки, над столом висело потемневшее полотно, на котором в манере старых мастеров был написан портрет старухи с гордым и властным лицом. На полу, раскинув ноги и руки, валялась растрепанная кукла.

Рузанна подняла безносую матрешку. Художник это заметил.

— Внучкина, — пояснил он, — ребятишки, знаете, такой народ...

Приоткрыв скрытую за большим мольбертом дверь, он кинул туда куклу. За дверью раздался топот маленьких ног, ребячий визг. Потянуло знакомым домашним запахом жареной баранины. Это поразило Рузанну. Казалось невероятным, что здесь, рядом с мастерской, идет повседневная жизнь. Так же, как у всех, готовят обед, спят, учатся. И кто-то счастливый в любую минуту может открыть эту дверь.

В подтверждение ее мыслей жена художника принесла на подносе кофе. Рузанна узнала ее сразу, потому что на многих полотнах видела это приветливое, тронутое временем лицо, крупные белые руки, всегда занятые каким-нибудь делом. Жена художника разлила кофе по маленьким чашечкам, и Рузанне пришлось подойти к круглому бамбуковому столику за своей чашкой.

Резким, коротким движением руки художник указал на несколько небольших полотен, расставленных полукругом прямо на полу.

— Вот мои последние... Говорят, надо куда-то ездить, изучать жизнь. И ездят. Все, что увидят, — сразу на полотно.

Он помолчал.

— Жизнь надо знать. Понять. Осмыслить. И только после этого работать.

Художник сидел, опустив плечи и поглядывал на этюды, спокойно щуря глаза. Жена облокотилась о спинку его кресла и тоже смотрела на картины.

Енок Макарович держал в руке чашку кофе.

— Вот что меня удивляет, — сказал он, — этот холст переживет камень. Здание рассыплется, а его изображение будет жить. Менялись общественные формации, рушились государства, стирались с лица земли города, а полотна Рембрандта живут!

Старик ничего не ответил. Он поднял глаза, взглянул на Рузанну, и она поняла, что и от нее ждут каких-то слов. Вероятно, каждый, кто входил в это святилище, должен был принести дань признания и восхищения.

Очень хотелось ей в эту минуту сказать что-нибудь глубокое, тонкое и верное, чтобы художник и его жена отнеслись к ней иначе, чем к случайной посетительнице, и приобщили ее к своему миру. Но у нее не нашлось ни тонких суждений, ни особенных слов. Она даже почему-то покраснела и ответила, как школьница:

— Мне очень нравится...

Енок Макарович снова заговорил о чем-то с художником. Рузанна пошла по мастерской, заглядывая в уголки, выискивая наброски, зарисовки, маленькие полотна этюдов.

Она тихонько коснулась гипсовой кошачьей головы с настороженными ушами и дикими голодными глазами. Это была, несомненно, кошка, но сделанная человеком, который видел кошек иначе, чем Рузанна.

— Нравится?

Это спросил бесшумный юноша, который присутствовал в мастерской как незаметный дух-служитель.

Вероятно, он слышал суждение Рузанны о картинах и теперь захотел посмеяться над ней.

— Нравится, — с вызовом сказала она.

— Ну, правильно! — Юноша, улыбаясь, гладил кошачью голову. — Значит, вы что-то понимаете. Глубокая древность — Египет. А ведь чудо, кошачья душа. Верно?

Он широко улыбался некрасивым, добрым, скуластым лицом.

Енок Макарович поднялся, и Рузанна поспешила к нему.

Хозяин мастерской говорил:

— В старину гении Леонардо, Микеланджело честно работали для народа. Они расписывали храмы и даже бани. Не гнушались. А мы плохо воспитываем вкус народа в отношении живописи. Купить картину — не всем доступно. В музеях люди бывают редко. Надо приблизить наше искусство к народу. Будь я помоложе...

Жена художника засмеялась и взяла его под руку.

— А что ты думаешь, я вполне серьезно, — нахмурился художник, — это хорошее дело. Вот Грант вам его выполнит. А что? — сказал он, будто отвечая сам себе. — Почему не осилит? Вполне. Талантливый парень...

Он жестом подозвал скуластого юношу и подтолкнул его к Тосуняну:

— Берите!

Тосунян хмуро посмотрел на молодого человека.

— Почему мы стали так бояться молодости? — ворчливо спросил художник.

Енок Макарович развел руками.

— Ваше слово — закон.

В машине он недовольно сказал:

— Нет у этих людей искусства логики. Микеланджело, видишь ли, бани расписывал, а как до дела дошло — кого рекомендует? Мальчишку.

Но когда доехали до министерства, он распорядился:

— Пусть там завтра договор составят. Говорит — талантливый. Надо верить.

* * *

Грант пришел в министерство с утра. Он не хотел упустить эту работу. Кто знает, как еще обернется дело? Изокомбинат мог запротестовать против кандидатуры молодого, начинающего художника. Всегда лучше быть на месте. Самая скучная часть работы — это договоры, разговоры. Но без них не обойдешься. И почему-то именно нужного человека никогда нет на месте. Уже десять минут в комнате вертится девушка, которую хорошо бы написать акварелью. А ту, вчерашнюю, которую он ждет, надо писать маслом. И

вообще, как хорошо, что есть на свете краски, полотно! Это — главное. Но договор тоже нужен. Работа интересная и даст деньги.

Он спросил у Зои:

— Когда приходят ваши сотрудники?

— Мало ли... — сердито сказала Зоя. — Может, по делам задерживаются.

Зоя была расстроена: заселяли новый дом, и в распределении квартир не было справедливости.

— Мне, конечно, все равно, — время от времени говорила она Ивану Сергеевичу, — я только не понимаю — для чего тогда комиссию создавать?

И через две минуты снова:

— Обследовали, заседали, а что толку? Человек десять лет в хибаре живет, и за его счет опять будет кто-то пользоваться?

При постороннем Зоя дипломатично фамилий не называла, но Иван Сергеевич, щелкая костяшками на счетах, отвечал без обиняков:

— Фарманов — приезжий специалист. Ему номер в гостинице оплачивают. Это нерентабельно. А Геворк как десять лет жил, так и одиннадцатый как-нибудь проживет.

— Где же справедливость? — взвилась Зоя.

— В стране ежедневно заселяют тысячи новых домов. Обычно на каждую квартиру по два претендента. И каждый кричит о справедливости. И большей частью все правы. Хотят хорошо жить.

В это время вошла Рузанна. Еще с порога известила Зою:

— Жена и теща Геворка тебя у входа ждут.

— Послушайте меня, — посоветовал Иван Сергеевич, — будете идти домой — выходите через двор.

Но Зоя с досадой сорвала с вешалки пальто.

— Еще прятаться я буду... Ох, не люблю изворачиваться, ох, не люблю... — с досадой приговаривала она.

— Прямо в пасть тигра, — вздохнул Иван Сергеевич.

Только сейчас Рузанна увидела, вернее — узнала Гранта. Он был в короткой распахнутой куртке, без шапки, такой же растрепанный, как вчера.

— А я вас жду. — Он улыбнулся. Улыбка очень красила его скуластое лицо с косым разрезом глаз.

— Напрасно вы меня здесь ждете. Ваш договор составляют в тресте столовых и ресторанов, — наставительно ответила Рузанна.

Она села на свое место, потянула ручки запертых ящиков, достала из сумочки ключи.

— И вообще — как вы себе представляете работу? Что это будет — картина, панно, стенная роспись?

— К сожалению, я постараюсь написать настоящую картину.

Рузанна с удивлением взглянула на него. Художник пожал плечами.

— Для этого учреждения было бы достаточно просто изобретательности. Но я знаю, что вложу в эту работу гораздо большее. Хотя сейчас убедить вас в этом не смогу.

— Вам надо убеждать в этом не меня, а главного бухгалтера треста. Он склонен считать, что это вывеска. А Искомбинат предлагает договор на панно. Разница в сумме получается очень большая.

— Ну, комбинат защитит мои интересы. Там заинтересованы в большей сумме, потому что комбинат получает проценты. А разница в цене именно такая, какая и должна быть между вывеской и картиной. Вы не думали об этом?

Рузанна пожала плечами:

— По-моему, об этом придется думать вам.

— Я подумаю, — согласился Грант. — А почему вы сердитесь? — вдруг спросил он.

Рузанна и вправду сердилась. У нее пропало все утро в спорах с бухгалтером треста, который оспаривал каждый пункт договора.

«А кто мне докажет, что эта работа стоит именно столько? — спрашивал он. — Государственные расценки? А кто мне докажет, что это панно? Комиссия?

Тогда давайте мы пока расценим этот труд по другой категории, а вот когда комиссия определит его как панно, тогда и оформим...»

В Изокомбинате удивлялись, почему на эту работу требуют именно художника Гранта Гедаряна, и предлагали целую бригаду под руководством опытного мастера.

Казалось бы, что такое недоверие должно быть особенно обидным для молодого художника. Но Грант отмахнулся.

— Я ведь еще ничего значительного не сделал...

Незаметно для себя Рузанна встала на его защиту:

— На первых порах все нуждаются в доверии. Как же иначе...

Она не договорила. В комнату вбежала Зоя, придерживая накинутое на плечи пальто.

— С ума сойти... — простонала она.

Тотчас снова открылась дверь, и через порог заглянула молодая женщина. Белый шерстяной платок особенно подчеркивал ее разгоряченное лицо — яркие щеки, блестящие черные глаза.

Изучив обстановку, женщина просунула вперед толстую старушку, за подол которой держался маленький мальчик, и вошла сама.

— Значит, мои дети — не дети? — с надрывом спросила она.

Зоя страдальчески закрыла глаза. Иван Сергеевич еще ниже нагнулся над бумагами.

Женщина, не обращая внимания на Зою, переводила глаза с Рузанны на Ивана Сергеевича. Она делала выбор для направления главного удара. Победила вековая, подсознательная убежденность в превосходстве мужчины. Маро, жена шофера Геворка, устремила к Ивану Сергеевичу.

— Когда комиссия в мой дом вошла, она сказала: «Ах!» Что я должна была сделать, услышав это «ах»? Я стала собирать вещи. Разве поднимутся теперь мои руки развязать узлы? Разве за столько лет ожидания мы недостойны жить в хорошем доме?

Иван Сергеевич быстренько собрал какие-то бумаги и молча, сжав губы, втянув голову в плечи, побежал к выходу.

— Извините, — бесстрастно обратился он к старухе с ребенком, стоявшей на дороге.

— Уходишь? — крикнула ему вслед Маро. — А я не уйду. Обещание исполняйте. Мама, садись!

— Я вам ничего не обещала, — убеждала Зоя.

— Ты сказала «ах», — твердо заявила Маро. — Мама, садись.

Старушка, покачивая головой, подошла к Рузанне.

— Эх, дитя мое, — заговорила она певуче, — лучше не радоваться бы нам, не надеяться, чтоб не плакать сейчас. Плохо живем. Дом из глины сложен, одна стена — гора. Камень. Вода. Течет, течет. Дети болеют. Геворк около начальника близко сидит, стесняется просить. А невестка не сама кричит — сердце материнское кричит...

— Геворк не мужчина, — отрезала Маро, — Геворк не отец.

— Цыц! — строго прикрикнула на нее старушка и снова повернулась к Рузанне. — Думали — кому же и дадут, как не нам? В надежде и крышу летом не подмазали. У стены угол обвалился...

— Ей что! — непримиримо вмешалась Маро. — Ее дети в тепле.

Ах, эти квартирные дела! Ими в министерстве заниматься не любили. Дай кто их любит? Председатель комиссии за день до заселения нового дома уезжал в командировку. Впрочем, он и не смог бы сейчас ничего сделать. Ордера розданы, люди въезжают, ни у кого не отнимешь ни метра. Может быть, и случилась ошибка при распределении, а может, и нет...

Года через два будет готов новый дом, но этим Маро не утетишь. В любом деле можно было попытаться как-нибудь помочь, только не в квартирном.

И, зная это, Рузанна все же встала. Зоя проводила ее вопросительным взглядом, Маро — недоверчивым. Старуха смотрела глазами надежды.

Про художника Рузанна забыла. Он пошел за ней следом.

В коридорах было пустынно. Сотрудники спустились в буфет, и секретарша Тосуняна тоже ушла на перерыв. У дверей кабинета встретился помощник министра. Рузанна махнула деловой бумагой, которую случайно или предусмотрительно держала в руках.

Енок Макарович взглянул на нее и снова наклонил голову над папкой с телеграммами. Правильнее было бы сперва поговорить о деле — дело всегда нашлось бы. Но потом мог позвонить телефон, мог кто-нибудь войти. И Рузанна сказала прямо:

— Геворк целый день около вас и ни разу не попросил о самом нужном — о квартире.

— И хорошо сделал, — отозвался Енок Макарович.

— Они живут в плохих условиях. Дом глинобитный у реки Занги. Сыро у них. Дети болеют.

Тосунян откинулся на спинку кресла. Он не смотрел на Рузанну.

— Я квартирными делами не занимаюсь. Для этого создана комиссия.

Рузанна знала, что квартиру товароведу Фарманову выделили по специальному распоряжению Тосуняна, знала, что он сам утвердил список жильцов нового дома, но знала также, что говорить об этом не стоит.

Тосунян молчал. Молчала и Рузанна. Еще секунда — и она должна бы повернуться и уйти. Но Енок Макарович недовольно спросил:

— Что, Геворк не получил квартиры?

Если он не хотел ничего сделать, то не должен был спрашивать. Рузанна подошла ближе. У нее был готовый план. Один из сотрудников, переселяясь в новый дом, выезжал из здания Масложиркомбината. Освобождалось три комнаты. Можно договориться с комбинатом и две комнаты оставить за министерством, пока не будет достроен еще один жилой дом министерства.

— Ну да, — сказал Тосунян, — они глупее нас. Три года ждали свою квартиру и еще два будут ждать. Так?

Рузанна промолчала.

— Одну комнату получит. Иди.

Тосунян потянулся к телефону.

Ужасаясь, что сейчас все испортит, Рузанна сказала:

— Одну мало. Енок Макарович, там трое детей, старуха...

Тосунян хлопнул по столу папиросной коробкой.

— Убила ты меня...

Зазвонили два телефона сразу. Теперь уже надо уходить.

У створки полуоткрытой двери стоял Грант. Он сейчас мог сделать непоправимую глупость — заговорить с министром о своих пустяковых делах.

Рузанна почти побежала к выходу.

Но Грант не делал никаких попыток войти в кабинет. Он поспешно отступил перед Рузанной и пропустил ее в приемную.

— Трудно было? — шепнул он.

— Зачем вы здесь?

— Пошел за вами. А что тут такого?

— И все время стояли у дверей?

Грант предпочитал спрашивать сам:

— Скажите: а ему можно верить? Геворк что-нибудь получит?

«Какое тебе дело до Геворка?» — подумала Рузанна. Художнику она ответила:

— Вы же слышали — он ничего не обещал.

Грант расхохотался, как ребенок, взახлеб. Сама, не зная почему, Рузанна рассмеялась тоже.

Тогда он объяснил:

— Почему вы все так боитесь что-нибудь обещать? Эта беленькая девушка ничего не обещала, главный ничего не обещал. И мне вы тоже ничего не обещаете?

— Нет, договор я вам обещаю, — кивнула Рузанна, — а уж остальное будет зависеть от вас.

В отделе капитального строительства обстановка не изменилась. Погруженный в бумаги, Иван Сергеевич совсем отрешился от мира. Зоя что-то писала и нервно вычеркивала. Посреди комнаты на стуле неподвижно

возвышалась Маро. Она еще больше покраснелась, сдвинула платок на затылок, сидела грозная и печальная.

Бабка примостилась на полу у стены. У нее на коленях спал мальчик.

— Идите домой, — строго приказала Рузанна, — хватит безобразничать.

Маро метнулась к ее столу.

— Распаковывать вещи? — жалобно спросила она.

— Подождите до конца дня...

Уходя, Маро почему-то попрощалась с Грантом за руку.

Так ничего и не успела сделать Рузанна в этот день. Прибежал счастливо-растерянный Геворк.

— Енок Макарович велел отвезти тебя на Масложиркомбинат — там договор надо подписать. Сейчас две комнаты мне, а потом в новом три им отдаем. Ай, безобразие, рвачи какие...

Он цокал языком, крутил головой, тщетно стараясь выразить возмущение.

Пока Рузанна собиралась, Грант и Геворк курили в коридоре как старые знакомые.

У машины Грант, отворив перед Рузанной дверцу, сделал шоферу какой-то знак и отбежал к лотку за папиросами.

— Геворк, откуда ты его знаешь?

— Гранта? — удивился шофер. — Я его еще вот таким пацаном знал. — Он показал рукой на полметра от пола.

Возле будущего кафе Геворк затормозил. У заляпанной краской витрины стоял Баблос. Грант махнул ему рукой. «И этого знает!» — неприязненно подумала Рузанна.

— Осмотрю место будущих действий. — Грант выскочил из автомобиля.

Но когда Геворк уже собрался ехать, художник вдруг снова просунул голову в кабину:

— Вы сегодня целый день говорили со мной тоном старшего товарища. Покровительственно. Так вот имейте в виду, — мне такой тон не нравится. И в дальнейшем этого не будет.

И он захлопнул дверцу, прежде чем Рузанна смогла что-нибудь придумать в ответ.

* * *

Четыре года назад ехал по улицам города счастливый человек. Ехал за рулем своей трехтонки шофер Симон Зейтунян, у которого в этот день родился третий сын. Он только что прочел на вывешенной в приемной родильного дома бумажке: «Анаида Зейтунян — мальчик. Вес — четыре кило».

Почему Симону казалось, что на этот раз могла бы быть девочка? Мальчик — это именно то, что надо.

Пустая трехтонка дребезжала на ходу. День был весенний, солнечный. Прежде чем брать груз, Симон собирался заехать домой и отправить Гранта на базар за курицей. Он уже по опыту знал, что в первые дни Аник нужен только куриный бульон. Через неделю жена вернется домой, и Симон увидит своего третьего сына. Вернее — четвертого. Разве Грант, брат Аник, не его сын? Симон его воспитал, из маленького заморыша, сироты, вырастил хорошего парня.

Самое дорогое, самое милое сердцу — дети!

Человек еще думал о другом, а инстинкт, опередив сознание, заставил судорожно сжаться руки, мгновенно сделать ряд привычных и нужных движений. Но было уже поздно.

Симон Зейтунян, опытный водитель, почувствовал это, прежде чем что-нибудь увидел или понял.

Потом говорили — не вполне исправные тормоза. Может, оно и так. Ребенок вырвался из рук бабушки — испугался или баловался. Бросился на дорогу — и прямо под машину. Первое, что увидел Симон, — скорбно-сокрушенное лицо старика мороженщика на углу. Дико кричала женщина. Мимо машины пронесли ребенка. Симон видел только ножки в пыльных сандалиях. Они беспомощно и безжизненно покачивались — взад-вперед.

Он видел эти бессильные ножки в долгие ночи, проведенные в тюремной камере. Он видел их перед следователем — и не мог ничего сказать в свою

защиту. На суде он боялся поднять глаза, чтобы не встретиться взглядом с отцом ребенка.

Товарищи очень старались выгородить его. Старый друг Геворк речь сказал лучше защитника. Но как поможешь человеку, который сам себе не хочет помочь? И закон есть закон.

После суда дали свидание с родными. У трехмесячного сына было безмятежное сонное личико. Ему исполнится восемь лет, когда отец вернется домой.

Аник точно закаменела в горе. Снова повторялась ее судьба. Только теперь трое сирот на руках. Правда, есть еще Грант. Симон его учил, гордился им — и оставил в самое трудное для парня время, да еще взвалил ему на плечи заботу о своих детях.

— Прости, мальчик...

Так они расстались. И казалось — жизнь будет очень трудной и безрадостной. Но Грант на судьбу не жаловался. Он принимал все права и все обязанности, которые на него возложила жизнь. Продолжал учиться в Художественном институте, не гнушался и любой «халтурой» — так называлась работа только ради денег. Несколько месяцев по заказу какой-то артели разрисовывал броши светящимися красками. Мальчишки-племянники стали героями всего квартала — у них по вечерам светились пуговицы, волосы и даже башмаки. Потом Грант делал эскизы конфетных оберток, винных этикеток и как-то получил приз по конкурсу на папиросную коробку. Много работы бывало перед праздниками — лозунги, портреты, плакаты. Под Новый год на площади устраивали большую елку, и требовалась особая изобретательность для оформления киосков, торгующих игрушками и сладостями.

Эта работа приносила деньги — для дома, для мальчишек. Самому Гранту было все равно, и что есть и как одеваться.

А другая работа приносила радость, горе и счастье. Вначале она никогда не казалась трудной. Закрыв глаза, можно было ясно увидеть будущую картину. Охватывала радость: «Могу! Сделаю!» Потом начиналось самое мучительное

— несоответствие задуманного с тем, что проступало на полотне. Если получалась хоть деталь, хоть кусочек — прозрачность света, точность рисунка, — возникало ощущение счастья.

Счастье возникало и тогда, когда в жизни встречалось «настоящее» — картина, скульптура. Иногда музыка, книга.

С особой яркостью Грант пережил это чувство перед фресками на стене одного из древних храмов Армении. Он знал: это писал его предок, прямой по крови и рождению, — до того схожим было их восприятие мира, их отношение к цвету и линии.

В институте его считали талантливым, но неорганизованным. Он плохо посещал лекции, умудрился ни разу не побывать на занятиях по физкультуре. Но на учебно-отчетных выставках его работы вызывали больше всего внимания и толков. Он писал то, что хорошо знал, что было рядом, — уличные сценки, сестру Аник, мальчишек, девушек, которые ему нравились. Писал, как видел. Краски получались яркие, линии определенные.

Мальчишки тоже не жаловались. Они жили, как все мальчишки, увлекаясь то воспитанием щенка, то коллекционированием марок, то футболом.

У них было божество, которому они во всём подражали, — Грант. Их тщеславие полностью удовлетворялось, когда на улице «Победа» или «Волга» останавливалась перед ними у тротуара и дядя Геворк, или дядя Андо, или дядя Рубен — все шоферы города были товарищами их отца — предлагали: «А ну, садитесь с товарищами, подвезу!»

Могла бы жаловаться только Аник. Она снова работала на швейной фабрике. Возвращаясь с работы, готовила еду, обстирывала и обшивала четверых парней. Но и Аник не жаловалась. У нее были дети.

* * *

Рузанна его ждала. Возвращаясь с объектов, спрашивала у Зои: «Ко мне никто не приходил?» Почему-то неудобно было спросить прямо...

Зоя отвечала:

— Звонили по телефону, приходили из треста, из планового отдела...

Однажды, опустив голову над ящиком письменного стола, Рузанна заметила:

— Надо бы узнать в тресте, заключили они договор с художником...

— С художником? — переспросила Зоя. — Заключили. Он позавчера, что ли, приходил. Фокусы нам показывал. Забавный мальчишка.

Значит, он приходил. И это было так незначительно, что Зоя ей даже не сообщила. А Рузанне хотелось узнать, как Грант вошел, что сказал, спросил ли про нее.

Не поднимая головы, она сказала:

— Он уже окончил институт.

— А все-таки мальчишка, — равнодушно ответила Зоя.

И Рузанна почувствовала против нее раздражение. А собственно, почему?

В кафе она пошла по долгу службы, уверенная, что встретит там Гранта. Но в большом зале, сыром от непросохшей штукатурки и темноватом, как бывает всегда в необжитых помещениях, Гранта не было. Не было никого, кроме Баблоева. Он ходил за Рузанной с видом человека, подчиненного обстоятельствам.

— Весь ремонт на мне. Этот прораб — пустое место. Никакого представления о задачах объекта.

В углу на гвоздике висела измазанная красками блуза, а на полу лежали связанные в пучок кисти. Рузанна подумала, что это вещи Гранта. Но она не спрашивала о нем именно потому, что ей хотелось спросить. Глупость какая-то получалась.

Она только вскользь справилась:

— Когда кончаете?

— Да вот стены просохнут.

Рузанна ушла, досадуя на себя.

Грант появился в самое неожиданное время. Он пришел к Рузанне домой поздно вечером.

Мама вышла на стук. Вернувшись, сообщила:

— Это тебя. С работы, что ли...

Художник стоял в маленькой передней. Его волосы блестели от мокрого снега, по лицу стекали капли.

— Что случилось?

— Все!

Он будто выдохнул это короткое слово. И, не ожидая ее вопросов, торопливо объяснил:

— Они вымазали стены олифой. Пропитали штукатурку олифой. Краска ляжет на поверхность, как блин... Как, — он искал сравнения, — как холодная лягушка.

— Но так всегда делают! Под роспись кладут на стены олифу.

— В банях, — зло ответил Грант. — Мне нужна мягкая стена, которая впитает краску, без блеска, без холода. Что же вы стоите? Пойдем! — Он нетерпеливо протянул руку.

Ей даже не пришло в голову спросить, для чего идти смотреть пропитанные олифой стены. Она забыла ввести Гранта в комнату, и, пока одевалась, волнуясь и теряя то чулок, то расческу, художник стоял в передней — нахохлившийся как воробей в непогоду.

— Куда ты ночью? — удивленно спросила Ашхен Каспаровна.

На это Рузанна ответить не сумела.

Они бежали по улицам, мокрым от колкой, смешанной с дождем снежной крупы. Бежали так, будто торопились предотвратить ошибку. Но все уже было сделано. В пустом зале, куда их впустил сторож, тускло поблескивали желтоватые стены.

Грант сел на ступеньку переносной лестницы и молча стал раскуривать папиросу.

— Почему же вы не предупредили? — спросила Рузанна.

Она уже поняла, что придется сбить всю штукатурку и произвести работу заново. Прикинула в уме, во сколько это обойдется. Такой перерасход потребовал бы специального разрешения. Кроме того, нарушались сроки...

— Сейчас бесполезно выяснять, кто кого предупреждал, — нехотя отозвался Грант. — Можно это исправить?

— Сомневаюсь. Вам придется примириться с олифой.

— Нет, — коротко ответил художник.

— А договор?

— Кто-нибудь меня заменит, — усмехнулся Грант, — художник найдется. То, что я хотел, нельзя сделать на этом материале.

— Ну, сделайте что-нибудь другое, — настаивала Рузанна.

— Почему вы меня не понимаете? — нахмурился Грант. — Чтобы начать дело, надо быть убежденным. Вот, например, вы не пошли бы тогда, помните, просить комнату для меня или, скажем, для Сашки Баблоева? Правда? Вы были убеждены — и все получилось. Без убеждения ни черта не выйдет.

— Какие разные вещи вы путаете! — возмутилась Рузанна.

Грант не спорил. Он только сказал:

— Нужно поверить, что я сделаю настоящее. Тогда все окажется возможным.

— А вы сами верите?

— Сейчас безусловно. И работая — буду верить. А потом скажу себе: «Что ты сделал? Картину на стене ресторана? Там ей и место!» И забуду о ней. Пока у меня всегда так. Но, начиная работу, надо верить. И чтобы мне помочь, тоже надо верить.

— Но чему? — Рузанна была сбита с толку. Ведь сейчас Грант говорил против самого себя. Так она, привыкшая к точным, определенным понятиям, понимала его слова.

Художник посмотрел, как ей показалось, грустно и с осуждением. Рузанне стало неприятно. Она уже не хотела его обидеть. Она уже приняла его правоту.

— У меня требовали эскизы. — Грант соскочил с лестницы. — Я сделал. Очень приблизительно, но посмотрите.

Из-за листов фанеры, прислоненных к стене, он достал большой альбом.

В зале было темновато. Пришлось встать под самую лампочку. Художник перелистывал страницы. На каждой была изображена тяжелая ледяная

пирамида большого Арарата и изящный конус малого. Бежала дорога, обсаженная тополями. В долине курились синие прозрачные дымки города.

Рузанна видела много картин, изображающих вечную гору. На рассвете и на закате, в облаках и под ясным небом, озаренную луной и освещенную солнцем. Арарат, безучастный в своем величии, возвышался над землей. В работе одного большого мастера Рузанну когда-то поразила тоненькая желтая ромашка, изображенная на переднем плане. Глядя на нее, можно было ощутить терпкий степной запах. Цветок был одинок и ничтожен перед сумрачным массивом горы. Он вызывал раздумье о бренности живущего.

Все привыкли к такому изображению Арарата.

На эскизах Гранта у дороги, уводящей вдаль, стояла белая сквозная колоннада. Она казалась ярче ледяной шапки. На другом рисунке над горами, озаренными солнцем, летел самолет. По дороге бежали машины. Поражали необычные краски: сиреневые тополя, лиловые тени, дымчато-розовый город.

Наконец Рузанна поняла:

— Похоже на вид из моего окна... Рано утром или на закате... Очень похоже! Особенно когда летит московский утренний самолет.

— Это мой Арарат. — Грант захлопнул альбом. — Я увидел его таким с детства. С автострадой, с самолетами... Это не индустриальный пейзаж. Так я вижу. Так чувствую. Так понимаю.

Он снова сунул альбом за фанеру. Он первый напомнил о том, что надо идти домой.

Улицы были пустынные, дома темные. Глубокая ночь. У ворот Грант опросил:

— Что мы будем делать завтра?

— Все, что сможем, — ответила Рузанна.

С утра заместитель министра Апресов, не заезжая на работу, отправился на объекты. В три он был вызван на совещание в райком партии. Оставалось только ждать.

Гранту не терпелось.

— А если пойти туда? — Большим пальцем правой руки он указал в неопределенном направлении.

Рузанна поняла и покачала головой.

— Но ведь он, кажется, такой, что можно...

— Он такой. И все же по каждому поводу к нему бегать не полагается. Существует порядок.

Художник замолчал. В этот день он опять затащил Рузанну в кафе.

Расстроенный прораб, ни на кого не глядя, кричал:

— Мало ли что мне говорили... Я не могу двадцать человек слушать. Один говорит — не надо олифы, другой говорит — надо. Когда у осла два хозяина, оселдохнет.

Презрительно высказывался Баблюев:

— Подумаешь, новые методы! А кто он такой — Рембрандт или, может быть, Шишкин? Как-нибудь нарисует чашку кофе и на этой стене.

Говорил он громко и косил в сторону Гранта великолепным выпуклым глазом.

— Значит, вы предупредили прораба? — спросила у художника Рузанна.

Он передернул плечами.

— Какое это теперь имеет значение?..

Нет, он ни на кого не похож! Кто удержался бы от того, чтобы не сказать: «Я предупреждал, я говорил...»

Рассерженный прораб схватил ломик и, бормоча что-то сквозь зубы, яростно стал выбивать на стене насечки, похожие на рябинки. Окрепшая штукатурка поддавалась туго. Окинув взглядом огромное помещение, Рузанна поняла бессмысленность подобной затеи.

Поняли это и рабочие, толпившиеся за спиной прораба.

— Не пройдет дело, Мукуч Иванович, — вмешался пожилой штукатур, — на этом самое малое неделю потеряем. Поверх новый слой наложим, а в один день вся стена обвалится. Кто отвечать будет?

Прораб с размаху отшвырнул ломик.

— У меня план, у меня смета... Я человек маленький...

— Да замолчи ты наконец! — крикнул на него Грант.

Засунув руки в карманы короткой куртки, он зло смотрел на Мукуча Ивановича.

— Противно слушать, когда человек так охотно признает себя ослом и ничтожеством. Тебя спрашивают: можно сделать что-нибудь? Что ты впадаешь в истерику?

Баблюев весело захохотал. Рузанна оттолкнула Гранта, подошла к прорабу и, не дав ему опомниться, торопливо сказала:

— Мукуч Иванович, сетку рабица, а? Как вы думаете?

Прораб порывался что-то ответить художнику, но Рузанна крепко держала его за рукав.

— Сетку рабица — и на нее слой штукатурки. Это быстро...

— Дорого, — ответил ей прораб, глядя в сторону Гранта.

Рузанна пошла к выходу, где художник, к ее удивлению, мирно беседовал с Баблюевым.

До конца дня Грант просидел в отделе капитального строительства. С совещания заместитель министра уехал прямо домой. Сообщили, что он будет в министерстве к семи часам. Рузанна и Грант решили его дождаться.

Уборщицы, неслышно двигаясь в войлочных туфлях, привели все в порядок. В комнату заглянул комендант и скрылся. Непривычно тихо стало в опустевшем учреждении.

Рузанна позвонила домой и предупредила, что задержится.

— Вас тоже целый день не было дома, — напомнила она Гранту.

Художник, склонившись над столом, штриховал лист бумаги.

— У нас нет телефона. Да никто и не будет обо мне беспокоиться.

Рузанна покачала головой.

— Это грустно.

— Это прекрасно! — воскликнул Грант.

— Значит, вас никто не любит.

— Сестра и мальчишки любят. — Он сказал это улыбаясь. — Неужели вы тоже думаете, что любовь выражается словами: «Куда пошел?», «Когда придешь?», «Смотри, не опаздывай!», «Имей в виду, я не буду обедать, я не усну, пока ты не вернешься!» И вот человек весь связан, спеленат, удушен любовью.

— Но ведь когда любишь, естественно беспокоиться!

— О чем? — Грант протянул к ней руку. — О чем? Отнимут любовь? Тогда она немногого стоит. Или любовь попадет под трамвай? Но ведь это так редко случается.

Рузанна рассмеялась.

— У меня мало опыта в этих вопросах.

— Я знаю, — просто сказал Грант.

И ей стало неловко. Она подумала: «Ведь я старше его на восемь лет...» Но слушать его было интересно. Еще ни с кем не говорила она о таких вещах.

— Любовь можно сберечь — я в этом убежден. И не только любовь мужчины и женщины — всякую. Она охраняется радостью, доверием и прощением.

— Нет, — горячо возразила Рузанна, — не прощением. Прощать нельзя.

— Именно, в первую очередь, прощением, — перебил ее Грант. — Я знаю, о чем вы думаете. Измена, предательство — я не об этом. Это сложно и в каждом случае — по-разному. Я говорю о том, что каждая любовь ежедневно нуждается в маленьком прощении. Лишнее слово, неловкое движение, разное отношение к людям, к природе... Наконец, кривой палец, жесткие волосы...

Он указал на свой искривленный мизинец.

Рузанна, смеясь и волнуясь, тронула его голову. Волосы не были жесткими...

Очень резким показался переход от темной комнаты к ярко освещенному кабинету Апресова, от разговора о невещественном, скрытом — к обычной деловой беседе.

Но тут Рузанна чувствовала себя гораздо увереннее. Она знала, что Апресов считается с ее мнением, и только боялась спрашивать себя, движут ли ею в эту минуту интересы дела или какие-то личные чувства.

Сущность дела она изложила сухо и коротко.

— А это не причуды гения? — Спросил Апресов. — Деньги же полетят.

Рузанна положила перед ним смету.

Апресов откинулся в кресле.

— Я слышал, в Тбилиси был в прошлом веке художник, за бутылку вина писал — на жести, на картоне, на куске дерева. Вывески для духанов писал. Сейчас эти его вывески — на вес золота. Шедевры. А мы, понимаете, нянчимся...

Он наклонился над бумагами.

— Сетка Рабица... Ну что ж, лучший выход. Но ведь дорого. Деньги-то государственные.

Сетка Рабица — тонкий проволочный каркас, на который накладывался раствор штукатурки, — стоила дорого. Но невозможно было прийти к Гранту с отказом. В мире должен был появиться его Арарат.

Лишнего говорить не следовало.

— Художник, — Рузанна назвала прославленное имя, — рекомендовал Еноку Макаровичу для этой работы своего ученика.

Она замолчала. Апресов еще думал.

— Ну, просто рука не поднимается, — сказал он. А затем решительно наложил резолюцию и протянул Рузанне бумагу.

— Посмотрим, будет ли это стоить бутылки вина, которая вызывала к жизни шедевры...

Чуть морозило. Над городом дрожали яркие неоновые огни. Рузанна и Грант бесцельно бродили по улицам, потому что им не хотелось расставаться. Снова и снова они вспоминали все события, этого тревожного дня и заключительный разговор с Апресовым, который Рузанна пересказала художнику во всех подробностях.

В темных воротах внезапно притихший Грант вдруг наклонил свое лицо к лицу Рузанны. Она увидела, как дрожат его губы, почувствовала запах табачного дыма и одеколона. Грант поцеловал ее — сперва нежно, чуть касаясь губами, потом крепче.

У него были широкие плечи. Рузанна не думала, что это может быть так отраднo — положить голову на плечо мужчины.

Ей казалось, что нужны какие-то слова. Но Грант еще и еще раз поцеловал ее. Она погладила его волосы — нет, они не были жесткими, — прижалась лицом к его лицу, потом быстро оттолкнула и убежала в дом.

* * *

Как можно было столько жить, не зная настоящего счастья! О чем она думала раньше, ложась в постель или просыпаясь по утрам? Для чего раньше были красивые платья, туфли, духи?

Ашхен Каспаровна удивлялась:

— Ты позавчера купалась и опять моешь голову?

Или:

— Это платье совсем чистое. Шерсть нельзя так часто стирать.

Но волосы от мытья делались блестящими, пушистыми. Каждый день Рузанне хотелось надеть на себя что-нибудь новое, красивое, а если не новое, то хоть свежее, выстиранное, отглаженное.

Она встречала Гранта в обеденный перерыв, после работы или вечером.

Иногда он приходил в министерство, заглядывал в комнату. И Зоя, которая сидела напротив дверей, кивала Рузанне — художник пришел.

Меньше всего Рузанна любила встречи в учреждении. Здесь нельзя было ни задержать руку в широкой прохладной ладони Гранта, ни тронуть его растрепанные волосы. Надо было разговаривать с ним, как с чужим, а это становилось все труднее.

Первый раз Рузанна привела его домой неожиданно. Как-то после работы она заглянула в будущее кафе. Грант уже перенес сюда большой ящик с красками, множество пузырьков, банок, тряпок — целое хозяйство.

Рабочие закончили новую штукатурку. Грант часами висел на лестнице, измеряя стену. Ему не терпелось начать работу. В помещении было темно, и Рузанна едва разглядела одинокую фигуру у деревянных козел. Грант стоял ел

пахнущую чесноком колбасу. Хлеб лежал на досках, заляпанных известковым раствором.

Художник пошел ей навстречу. Он казался заброшенным ребенком.

— Что, у тебя дома обеда нет?

— А может, и нет, — ответил Грант. — Аник сегодня во второй смене — значит, накормила мальчишек часа в три. После них мало что остается.

Рузанна, верная традициям своей семьи, где конфетку, если она была одна, делили на три части, возмутилась:

— Уж сестра могла бы подумать о тебе...

У Гранта сузились глаза.

— Про Аник — ни слова. Аник была мне матерью, когда я в этом нуждался. А сейчас у нее мальчишки. Так и должно быть.

Он снова улыбнулся.

Рузанна предложила:

— Пойдем к нам обедать...

И с тех пор Грант стал бывать у них почти ежедневно.

Спокойное равнодушие, с которым приняли художника в доме, точнее всего показывало Рузанне, что родители не допускают и мысли о каких-либо серьезных отношениях между ними.

После обеда Ашхен Каспаровна просила:

— Грант, ты у нас самый молодой, принеси-ка свежей воды.

Отец бесцеремонно говорил:

— Разберись, дочка, в сметё, а товарищ художник пока газеты посмотрит.

И вечер, который Рузанне больше всего хотелось провести с Грантом, она просиживала над потрепанными сметами совхозного строительства.

У ревности более зоркое зрение. Дядя Липарит хмурился. Входя в дом, осведомлялся:

— Этот, как его, художник... опять здесь?

Раз за обедом он спросил у Гранта:

— Рисуете?

— Бывает, — ответил Грант.

— Цветочки?

— И это можем, — спокойно подтвердил художник.

— Можете, — согласился дядя Липарит. — Бывал я на ваших выставках. Все букетики да арбузы. На большие дела вы не посягаете.

Вмешался отец:

— Что ты хочешь, Липарит? Наш художник еще человек молодой. Придет время, он себя покажет.

— Они все до сорока лет молодые, — непримиримо отрезал дядя Липарит. — Люди в двадцать лет уже умирали за них.

Он сам почувствовал тяжесть этих слов, поднялся из-за стола и принялся ходить по комнате.

— Помню, через нашу деревню дашнаки человека вели. У каждого дома останавливались, опрашивали: «Кто ты?» Отвечал: «Большевик». Трах! — наганом по лицу. На площади ему язык отрезали. Глумились: «Большевик?» Он уже сказать не мог, только головой: «Да, да!» После этого я большевиком стал. Так какого черта ты цветочки рисуешь? Ты нарисуй картину — у человека язык отрезали, а он все равно кричит свою правду. Пусть люди задумываются, как надо жить. Можешь?

— Нет. Не могу, — сказал Грант.

— А-а, не можешь! Когда наши футболисты тбилисской команде проиграли, тем оправдывались, что тбилисцев шоколадом кормили, а наших будто бы нет. Тебя тоже шоколадом не кормили? Не учили? Условий не создали?

Длинный, сутулый, Липарит Сароян стоял над Грантом и требовал:

— Чего тебе не хватает?

Грант ответил одним коротким словом:

— Таланта.

В этот вечер он говорил Рузанне:

— Мне казалось, будто сам народ спрашивает: «Можешь?» — «Не могу...»

Тогда один ответ — иди работай сапожником, монтером, кондуктором...

Они опять долго ходили по улицам, спускались к бегущей в темноте Занге, поднимались по шоссе на холмы, окружающие город.

— Но ведь ты еще не пробовал, — уговаривала Рузанна, — почему тебе кажется, что ты не можешь?

— Человек всегда переоценивает свои силы. В мыслях он может гораздо больше, чем на деле. А у меня даже мысли спотыкаются на каком-то рубеже. Рузанна гладила его руку. Он этого не замечал. Он требовал ответа на трудные вопросы.

— Как ты думаешь, талант может расти?

На одной из окраинных немощеных улиц у Рузанна оторвался каблук. Грант заставил ее сбросить туфли, оторвал и второй каблук, спрятал оба в карман куртки. Он готов был бродить до утра, но Рузанна без каблуков еле шла.

У ворот она поцеловала его в глаза, провела рукой по волосам, прижалась к нему.

Он тихо сказал:

— Почему-то всем женщинам кажется, что именно так надо утешать мужчин...

Потом Рузанну долго мучила эта фраза.

Грант не показывался ни в министерстве, ни дома.

Не приходил он и работать. Баблов слонялся по кабинетам и высказывался:

— Мне никакого дела нет. Пусть хоть совсем не является. Но в тот день, когда он по договору обязан сдать, я его прижму.

Едва сдерживая раздражение, Рузанна напомнила:

— Вы ведь вообще не хотели работать в этом кафе.

— Когда? — удивился Баблов. — Всей душой хотел. Высококультурное учреждение. То, о чем я мечтал.

В голосе его была предельная искренность.

А Грант все не приходил и не звонил. Рузанна боялась отлучиться из кабинета. Он мог появиться в ее отсутствие.

Считалось, что за работой человек забывается. Как раз в эти дни работы было много. Проектировался большой универмаг «Детский мир». С весны должно было начаться строительство. Но Рузанна работала не в полную силу — все валилось из рук.

«Всем женщинам кажется...» В этих словах заключалось много горького. И уж совсем нестерпимо было вспоминать, как она его поцеловала и попыталась утешить своей нежностью, в то время как ему это совсем не было нужно.

— Рузанна Аветовна, вас к телефону.

Звонил внутренний телефон. Енок Макарович собирался посмотреть закусочную-автомат.

Рузанна сказала Зое:

— Если ко мне кто-нибудь придет или позвонит, передай, что я непременно буду к концу дня. Непременно!

Новая закусочная уже три дня работала. Сотрудники министерства приехали в перерыв и прошли через служебный ход.

Директор бросился к ним, приглашая осмотреть производственную часть, но Енок Макарович отстранил его:

— Погоди...

Он подошел к кассе и заплатил сперва за сосиски и какао, подумав, взял еще булку, кофе и пирожок. Ему доставляло удовольствие опускать жетоны в щель и принимать тарелку, украшенную стебельком зеленой петрушки. Когда у него кончились жетоны, он потребовал еще винегрет и пирожное. Столик был заставлен едой. Но Енок Макарович ничего не ел. Он уселся и спросил:

— А чая у вас не бывает?

Чай, конечно, нашелся. Его принес молоденький ученик повара. Юноша был в белом халате и высоком поварском колпаке — такие Рузанна до сих пор видела только на картинках.

— Когда открываете? — спросил Тосунян.

— Через полчаса, — ответил директор. — Как раз будет обед в ремесленном. Потом затишье — готовимся. Затем перерыв на деревообделочной. А с утра — школьники. Так, конвейером, работаем.

Енок Макарович довольно покачивал головой.

В машине он сказал Рузанне:

— Моя бабушка сказку знала про ковер. Свернешь, развернешь — а на нем блюдо с пловом. Народное творчество. Ты слышала?

Рузанна слышала и про «столик, накройся» и про «скатерть-самобранку».

Тосунян этих сказок не знал. Вероятно, многого не знал человек, который до восемнадцати лет был неграмотным.

Он тихо, про себя, посмеивался.

— Вот если б моей бабушке такой автомат показали, а?

Всегда сдержанный, озабоченный, Тосунян сейчас позволял себе короткий отдых. Рузанна понимала, что ей надо подхватить нить разговора. Енок Макарович этого ждал. Шкафчики, сияющие эмалью, никелем и стеклом, безотказно четкая работа автоматов, чистота выложенного белой плиткой зала — все это совпадало с представлениями Тосуняна о необходимых переменах в жизни людей. Сейчас он был доволен. Такое чувство приходило как награда за дни, чрезмерно нагруженные делами и обязанностями.

В эти редкие минуты ему хотелось поговорить.

— Конечно, всем нравится прийти с работы, снять пиджак, распусть пояс и в кругу семьи за домашним столом арису кушать. Свой очаг, дети вокруг. Хорошо, да? Женщина — жена или мать — всю ночь не спала, эту арису варила, перемешивала, сбивала, да еще после обеда кучу грязных тарелок должна мыть. Если хочешь знать, и детям надо было в три часа пообедать, когда они из школы пришли, а не ждать до шести... А ты говоришь — быт!

Рузанна ничего не говорила. Сказал шофер Геворк:

— А все же, Енок Макарович, так, как моя теща арису или хаш сварит, какой повар, какой ресторан — никто не угонится!

— Верю, верю, — насмешливо ответил Тосунян. — Она с молодости всю силу свою этому отдала. Всю жизнь. Есть смысл?

Полузакрыв глаза, он вздохнул и неожиданно дотронулся указательным пальцем до руки Рузанны.

— Я у тебя спрашиваю: есть смысл?

Она вздрогнула и не нашла ответа, потому что думала о другом. Но, к счастью, машина остановилась.

Неторопливой походкой озабоченного человека Енок Макарович прошел по длинному коридору в свой кабинет.

Рузанна распахнула двери и сразу взглянула на Зою. Не ожидая вопроса, Зоя молча и грустно покачала головой.

Сразу все вокруг стало неинтересно и ненужно.

На другой день в перерыв Зоя потащила Рузанну к себе. Вначале у нее не было такого намерения. С тех пор как Левончика стали прикармливать, Зоя не ездила домой. Сперва она просто заставила Рузанну выйти на улицу. Противно было смотреть, как умная, серьезная женщина боится отойти от телефона. Зоя все понимала и не одобряла. Говорить об этом с подругой она не могла, но отвлечь считала своим долгом.

У министерства Геворк протирал кусочком замши стекла машины. Его признательность за квартиру выражалась в постоянной готовности «подвезти». Зоя воспользовалась случаем, а Рузанне было все равно. Она уже устала ждать и внутренне подготавливала себя к поступку, который еще месяц назад показался бы ей невозможным. Она просто пойдет к Гранту домой за каблуками, которые он унес. И это решение казалось то совершенно ясным и доступным, то невозможным.

На окраинной улице в двух маленьких комнатах старого дома жили Зоя, Рубен и его мать — в прошлом учительница, а ныне пенсионерка. Рубен был единственным сыном, и это создавало известные трудности в жизни молодоженов.

Зоя жаловалась:

— Стоит ему меня поцеловать, как она сейчас же начинает плакать: «И это награда за все мои жертвы, за то, что я всю жизнь ему посвятила, замуж не вышла».

С появлением на свет Левончика отношения несколько смягчились. Теперь главным в доме был ребенок. Едва открыв дверь, Зоя спросила:

— Ну как?

Мария Арамовна, не спуская глаз с керосинки, на которой в маленькой кастрюле варилась каша, сообщила:

— Недавно проснулся в хорошем настроении.

И только после этого улыбнулась Рузанне.

Нужно было вымыть руки. Без этого к Левончику никто не допускался.

В дверях Зоя придержала Рузанну:

— Посмотри...

Ребенок в белой пушистой кофточке сидел на тахте, обложенный подушками. Вокруг валялись резиновые и пластмассовые игрушки. Крупный большеголовый малыш сосредоточенно тянул в рот резиновую куклу и «разговаривал».

— Гу-у-у, — говорил он, и звук был то удивленный, то радостный. Кукла упала. Левончик помолчал, потянулся за розовой погремушкой, схватил ее и снова забормотал: «Го-о-о, гу-у-у...» А потом, распираемый полнотой жизни, вдруг замахал в воздухе руками.

Зоя кинулась к нему. Уловив какое-то движение, малыш сперва испуганно вздрогнул, но тут же увидел, узнал мать и счастливо заулыбался, а затем рассмеялся в голос.

— Смотри, смотри, что сейчас будет, — сказала Зоя.

Она сделала строгое лицо и начала сердито:

— А кто сегодня шалил?? Кто сегодня плакал? Плохой Левончик!

И тут же маленькие бровки ребенка горестно сдвинулись, личико стало жалобным и обиженным, подбородок затрясся — мальчик собирался заплакать.

— Нет, нет, он хороший, мамино счастье, радость моя... — Зоя схватила сына на руки. — Ты видишь, как реагирует? Умненький мой, золотой мой!

— Опять глупые эксперименты над ребенком, — недовольно сказала Мария Арамовна, появившаяся в комнате с блюдцем манной каши.

— Я сама покормлю, — строптиво заявила Зоя.

— Ты же на перерыв пришла. Идите лучше кофе пить.

— Успеем. Я сама.

Пожав плечами, Мария Арамовна удалилась.

— Возьми его на минутку. Он ко всем идет — такой общительный, — скомандовала Зоя.

И правда, едва Рузанна призывно пошевелила пальцами, малыш готовно потянулся к ней растопыренными ручонками и всем тельцем. Она не очень умело держала его — теплого, тяжелого, — не слушая Зоину болтовню, взволнованная открывшимся ей чудом.

Целый мир неизведанных ощущений прошел мимо нее. Разве это справедливо? Насколько богаче жизнь молоденькой Зои! Ребенок... Что это открывает для женщины? Какие чувства испытываешь, когда становишься матерью? Похоже ли это на нежность, жалость, восторг, которые сдавили горло Рузанны, когда она взяла на руки малыша?

Взволнованно спросила у Зои:

— Что ты чувствовала, когда он родился?

Зоя не поняла. Она кормила кашей Левончика, ловко вмазывая ему в рот ложку за ложкой.

— Вот, мой славненький, мой родной... Еще ложечку, еще... Не смей плевать, не смей, открой ротик... Ох, что я чувствовала! Прежде всего усталость. Целые дни хотелось спать. Раньше я и не знала, что человека может так одолевать сон. Первое время я плакала по ночам. Даже сказала Рубику: «Нам без него лучше было».

— Да. Ты это сказала, — раздался из соседней комнаты голос Марии Арамовны, — а вот я своего сына двадцать ночей, не смыкая глаз, держала на руках, когда у него было воспаление среднего уха. И не жаловалась.

Зоя сделала выразительный жест, который означал: «Вот видишь?»

Позавтракать они, конечно, уже не успели. Всю дорогу Зоя ворчала:

— Так у нас постоянно. Слова сказать нельзя, во все вмешивается. Мы с Рубиком в своей комнате разговариваем, она реплики подает. Ты же сама сейчас слышала. Даже Рубик раз не выдержал, сказал: «Мама, неужели ты не можешь помолчать?»

Рузанна не перебивала ее. Только когда они уже входили в большие застекленные двери министерства, она сказала:

— А ты можешь себе представить, что когда-нибудь Левончик тебе так ответит?

* * *

Было необходимо пойти к Гранту. За его работу в какой-то степени отвечала и Рузанна. Время шло, а на огромном пространстве стены не появлялось ничего, кроме бледных набросков, сделанных в первые дни.

Нужна была твердость, чтобы встретиться с Грантом спокойно и непринужденно. Рузанне хотелось придать своему приходу деловой характер. Но идти к человеку домой в служебное время она не могла, а по вечерам Грант едва ли бывал дома. К тому же вечернее посещение носило иной оттенок. Самое подходящее время — воскресное утро. Можно зайти мимоходом, даже не снимая пальто. Но на всякий случай Рузанна надела любимое синее платье с большим белым воротником.

Она знала, где живет Грант. Во время их блужданий по городу он показывал дом — один из высоких, облицованных розовым туфом жилых домов, которые доставляют красоту и своеобразие города. Там его зять Симон получил квартиру незадолго до своей беды.

Дом был огромный — на целый квартал. Рузанне не хотелось останавливаться и читать описки жильцов в каждом подъезде. Большая сводчатая арка вела во

двор, где играли дети. Рузанна подошла к тоненькому мальчику, одетому в серый шерстяной свитер.

— Ты не знаешь, где живут Зейтуняны?

Мальчик посмотрел на нее и молча с достоинством ткнул пальцем себя в грудь.

— Вот как? Значит, ты Зейтунян?

Рузанна с интересом рассматривала племянника Гранта. Нет, он не был похож на дядю. Продолговатое лицо — ни намек на скулы, глаза такие черные, что зрачка не видно. И уж никак не скажешь, что разговорчив. В ответ на вопрос Рузанна только чуть наклонил голову и двинулся вперед, как бы приглашая ее идти за собой.

— А разве ты знаешь, кого мне надо? — спросила Рузанна, поднимаясь по лестнице.

— Знаю. Тико.

Потом быстро поправился:

— Гранта Гедаряна...

— Как, как ты его называешь?

— Это не я. Это мама, — нахмурился мальчик.

— Тико? — Рузанна рассмеялась.

Хорошо, что она встретила мальчугана! Совершенно ушла неловкость. Она чувствовала только легкое волнение.

Дверь была незаперта. Не пришлось ни стучать, ни звонить. В передней на низеньком табурете сидел Грант. Его трудно было сразу узнать. От плоской, сдерживающей волосы тубетейки лицо его точно стало другим. Грант не отвел глаз от работы. Держа на коленях башмак, натянутый на колодку, он вколачивал в подошву маленькие деревянные гвоздики, похожие на обломки спичек. Перед ним стоял ящик с сапожным инструментом.

— Армоська, ты опять выскочил... да еще без пальто...

Грант говорил с паузами, во время которых примерялся, куда бы еще вбить гвоздик.

— Я больше не чихаю, — ответил мальчик. — Я опять уйду.

Он стоял в дверях, преграждая Рузанне дорогу. Она хотела отстранить мальчишку, но Армоська вывернулся из-под ее руки и со свистом помчался по лестнице.

Грант поднял голову. Он не удивился, не растерялся. Он обрадовался. Рузанна это поняла сразу по тому, как он вскочил, отшвырнув табурет, как взглянул на свои замазанные руки и все же сжал ее голову ладонями, пахнущими кожей и клеем.

— Пришла! Именно когда нужно!

Она смеялась, хотя в эту минуту ей легче было бы плакать... Грант не помог ей раздеться, не повел в комнату. Он посадил ее на ящик, смахнув с него инструмент, подхватил табуретку и сам уселся, положив голову ей на колени.

— Ты сердись на меня? — спросил он тихо.

— Конечно. Ты ведь унес мои каблуки.

Грант крепче прижался головой к ее ногам.

— Баблоев на тебя сердится. Говорит, что ты не успеешь к сроку...

Рузанна сняла с него тюбетейку и перебирала плотные блестящие пряди его волос.

— Ты болел?

Он отрицательно помотал головой. Потом поднял лицо.

— Мне казалось, что я ничего больше не смогу написать. Я себя такой бездарностью ощущал!

— И решил переменить профессию? — Рузанна указала на колодку.

Грант засмеялся.

— Нет! Я всегда чиню ботинки мальчишкам. Наш отец был сапожником, Аник сохранила инструмент. А мальчишки, знаешь, как рвут обувь?

Помолчали. Она тихонько спросила:

— А теперь?

Грант понял.

— Теперь прошло. Картину в кафе напишем. Бригадой. С двумя товарищами.

Заметив ее разочарование, быстро добавил:

— Одному невозможно. Ты не бойся. Все будет хорошо! — Он поцеловал ей руку. — Не сердись на меня. Ты пришла, как настоящий друг.

— Я пришла к сапожнику, — рассмеялась Рузанна, вытряхнув из газетного свертка туфли без каблуков.

Грант снова обхватил ее руками и закрыл глаза.

Они сидели молча. Со двора доносились крики детей, в подъезде разносчик молока предлагал:

— Есть твороги, сырки, молоки...

Послышались шали. Кто-то поднимался.

Женский голос, звучный и глубокий, приговаривал:

— А вот мы уже пришли, все купили, погуляли, Ашотик корзину нес...

Что-то пролепетал ребенок, и женщина рассмеялась.

— Ах ты, мой справедливый сын! И Виген тоже корзину нес, конечно...

Грант поднял голову.

— Аник, — пояснил он с улыбкой, но не отодвинулся от Рузанна, а только выпрямился на своем низеньком сиденье. Так они и встретили хозяйку: Рузанна — сидя на ящичке, Грант — у ее ног.

По голосу и смеху Рузанна представила себе Аник крупной и сильной. Вошла худенькая, невысокая женщина с лицом, будто выточенным из темного дерева. На секунду Рузанна поймала ее живую улыбку, открывающую ровные блестящие зубы. Но едва Аник увидела гостью, лицо ее сейчас же замкнулось, стало безжизненным и даже суровым.

Она неловко, торопливо кивнула и, не раздеваясь, прошла в комнату, увлекая за собой детей — маленького мальчика в меховой шубке и подростка с хозяйственной сумкой в руках.

— Может быть, мне лучше уйти? — осведомилась Рузанна.

— Почему? — удивился Грант. Он не почувствовал никакой неловкости и удержал Рузанну, когда она хотела подняться.

Старший мальчик принес в переднюю пальто и, взясь у вешалки, слегка кивнул Гранту в сторону комнаты.

Грант встал.

— Я на минутку...

Вместо него в переднюю вкатился Ашотик. Он был в длинных пушистых штанах и такой же блузе, Рузанна попыталась взять его на руки, но мальчик отбился, ловко орудуя локтями и пятясь назад. Тогда Рузанна вспомнила, что у нее в сумочке всегда есть конфеты — дары Баблоева. Она вытащила ириску «золотой ключик».

Завидев конфету, Ашотик немедленно выкрикнул:

— У нас дома тоже такая есть!

Рузанна не имела опыта в обращении с детьми. Ашотик показался ей очень маленьким, и то, что он так свободно говорил, привело ее в восторг.

Она вытащила еще одну конфетку.

— А такие?

Мальш взглянул на брата. Виген с непроницаемым лицом стоял у вешалки. Тогда, чтобы избежать соблазна, Ашотик, заложив руки за спину, закричал с отчаянием в голосе:

— Я уже сыт от этих конфет!

И, завидев вошедшего Гранта, бросился к нему со всех ног.

Тот вскинул племянника к потолку и усадил на плечо.

— Хорош парень?

— Гордый очень, — сказала Рузанна, — не достаивает принять угощение.

— А-а, ничего не поделаешь... Это мамино воспитание.

Грант взял у Рузанны конфеты, сунул их мальчику и, подкинув его еще разок, выставил из передней. За Ашотиком исчез и Виген.

— Понимаешь, опять я что-то не так сделал, — виновато улыбался Грант. — Оказывается, нельзя было принимать тебя в передней. Теперь ты плохо про нас подумаешь. Пожалуйста, не думай плохо, прошу тебя.

Он снял с Рузанны пальто и ввел ее в небольшую, очень чистенькую комнату, украшенную вышитыми салфетками, разрисованными ковриками и букетами искусственных цветов.

Рузанна взглянула на Гранта. Ее восхищало, что он понимает каждое ее движение. Грант тихо сказал:

— Аник больше нравится так... Это ее вкус, ее жизнь.

— А где твои картины?

— В мастерской. У нас с товарищем общая мастерская. Ты увидишь.

Весь этот день был обещанием будущего. «Ты увидишь», «мы с тобой пойдем», «мы сделаем», — ежеминутно говорил Грант. И Рузанна, обычно сдержанная, даже скованная, легко смеялась, легко двигалась, легко и охотно болтала.

Она знала, что сейчас каждое ее слово вызывает в нем отклик, знала, что ему нравится каждое ее движение, каждый поступок.

Ее не смутило даже напряженное лицо Аник, которая принесла кофе и печенье.

— У нас сегодня не убрано, — извинялась она глухим, безжизненным голосом и поправляла дорожку на комод, стирала с подоконников несуществующую пыль, взбивала подушку на тахте.

Грант притащил в комнату всех трех мальчиков. Пожалуй, все же самый старший напоминал его косым разрезом глаз и слегка выступающими скулами.

Грант сказал:

— Издание исправленное. Похож, только лучше.

Рузанна про себя поправила: «Красивее».

Появилась колода карт.

— Вообще-то у нас Аник в карты играть не разрешает. Ну, уж ради воскресенья...

Распухшие, почти стершиеся от употребления карты доказывали, что запрещение частенько нарушается.

Игра шла на маленькие разноцветные леденцы, за которыми Армося сбегал в «Гастроном».

Рузанна никогда не предполагала, что такое несложное развлечение, как «подкидной дурак», может быть обременено бесчисленными условиями и обязательствами, оглашенными и принятыми в начале игры: «С подменой». «Ходит тот, у кого младший козырь». «Без разрешения идущего не подкидывать». «Туз побивается пятью козырями» (возможность чисто теоретическая). «Напарники не переговариваются».

Конечно, Рузанна позорно проигрывала, и ее партнер Виген с покорным видом безвинной жертвы бросал на стол карты. Грант играл с увлечением, Армоська — азартно.

Больше всего удивляло Рузанну, что в конце кона мальчики безошибочно знали, у кого какие карты на руках.

Ашотик, хорошо уяснивший себе правило, что во время игры мешать нельзя, приходил в комнату только за очередной порцией леденцов.

Аник сдержанно предложила остаться пообедать. Но Грант подал гостье пальто.

Уже ложились сумерки ясного зимнего дня, чуть морозило. После теплой комнаты это было приятно.

— Вот ты и видела всех моих...

Даже по голосу чувствовалось, как он их любит. А у Рузанны надолго сохранилось ощущение негнущейся, неподвижной руки Аник...

Но сейчас с ней был Грант. Он крепко прижимал к себе локоть Рузанной. В этот день Грант отвечал на все ее мысли:

— Аник была совсем девочкой, когда мы осиротели. Но не выносила, когда нас жалели. И я в детстве был такой же. В школе большей частью голодный бегал, а ни за что куска хлеба не брал у товарищей. Только потом переборол это в себе. А сейчас мечтаю о том дне, когда можно будет войти в любой дом и сказать: «Люди, дайте мне супу, я голоден...»

Рузанна засмеялась.

— Ты как Тосунян. Только он, наоборот, хочет людей вывести из домов и кормить всех супом в столовых!

Тосунян — живой человек, — одобрил Грант. — И мы сейчас пойдем в столовую.

— Нет, пока что суп вкуснее готовят дома. Пойдем к нам.

Но дома не оказалось ни обеда, ни родителей.

Ключ, как всегда в таких случаях, был у соседки. На столе лежала записка: «Приглашены обедать к тете Альме, взяли билеты в мюзикомедию. Приходи и ты».

— Да здравствует Тосунян! — провозгласил Грант.

Но в каждом доме есть какая-нибудь еда. Нашлись яйца, масло, кусок сыру и даже немного вина. Продолжался праздник, не похожий ни на один из праздников, потому что к чувству счастья примешивалось тревожное волнение. Рузанна преодолевала его, пока необходимо было что-то делать — приносить посуду, жарить яичницу. Но когда они сели за стол друг против друга, выражение такой же тревоги появилось и на лице Гранта. Он хотел улыбнуться ей — и не смог.

— Ешь, ты ведь голодный, — приказала она. — Выпей вина! — Сейчас он был послушен ей во всем. — Сядь, как ты сидел у вас в передней.

Грант сел на скамеечку у ее ног.

— Позволь мне уйти, Рузанна.

Она негромко засмеялась.

— Никуда ты от меня не уйдешь...

Он целовал ее руки, целовал колени сквозь ткань платья, ноги в маленьких черных туфлях.

Рузанна знала, что эта любовь нелегкая, путь ее неясен и неизвестно, куда приведет.

Но когда Грант поднял к ней лицо — и горестное, и счастливое, и молящее, — она кивнула ему и закрыла глаза.

* * *

Напротив, Тосуняна сидел сторбленный старик. Его близко посаженные глаза живо глянули на вошедшую Рузанну. Утолщенными в суставах, непослушными пальцами он завязывал тесемки толстой потрепанной папки и приговаривал:

— Разбираться надо, сын мой, в людях. Глубоко вникать надо, кто чего достоин. Вот так.

Тосунян сердился. Рузанна видела это по тому, как он щурился и шевелил пальцами.

Он сказал Рузанне:

— Выясните, какие претензии у папаши. Потом доложите мне.

Рузанна поняла — надо увести старика. Но он сам поднялся, попрощался с министром за руку и не торопясь пошел к двери.

С Рузанной дед разговаривать не пожелал.

— Сказанное льву не повторяют кошке.

Обижаться на посетителей не полагалось.

— В чем же все-таки ваше дело?

— Дело в доме моем. Надо тебе — приходи.

Она едва успела записать имя и адрес старика.

Он жил в доме, подлежащем сносу.

В центре города, возле площади с высоко бьющим фонтаном, еще существовал островок старины, целый квартал низеньких глинобитных домов. За сложенными из камней заборами лепились лачуги с плоскими крышами, с потемневшими от времени деревянными балконами и навесами. Хибарки прижимались друг к другу, кособокие, подслеповатые. Кое-где они точно нехотя расступались, образуя узкие, кривые переулки и тупики.

Рузанна выросла в этом городе. Он менялся на ее глазах. Ей были знакомы полутемные комнатки с низкими потолками. Она знала, что зимой, прежде чем идти на работу, надо счистить снег с крыши, иначе она может обвалиться. Каждую осень такие дома требовали подмазки — делалась смесь из глины, навоза и песка. Рузанна знала эту жизнь постоянно на виду у соседей, и все

хорошее, что она давала, — дружбу, привязанности, взаимопомощь, — и все плохое — сплетни, дразги, ссоры, которые рождает тесный, скученный быт.

По плану городского строительства на площади должны были построить универмаг «Детский мир». Люди, живущие в этом квартале, получали квартиры в новом районе города. Переселением занимался жилищный отдел райсовета. Там могли знать персонального пенсионера Ваграма Басяна — так отрекомендовался Рузанне старик.

С заведующим жилотделом Сергеем Рутяном Рузанна училась в институте. Она позвонила ему по телефону. Первым делом, на правах старого знакомого, Сергей спросил:

— Рузик, как твои дела? Не вышла еще замуж?

Сейчас такие вопросы больше не огорчали и не раздражали.

— Обещаю, что ты первый узнаешь об этом событии. Сергей, как у вас дела с территорией под универмаг?

Она знала, что минут пять Рутян будет жаловаться, что его заставляют заниматься черт, знает, чем, в то время как его призвание — творческое проектирование. Излив душу, Рутян сообщил, что в основном переселение закончено и с будущей недели экскаваторы начнут разрушать старые дома.

Рузанна осторожно спросила:

— А в чем дело у вас с этим пенсионером, Басян его фамилия? Ты не слышал? А-а-а, он уже и к вам пришел! — закричал Сергей в трубку. — Ну чудесно! Теперь я умываю руки...

— Все-таки в чем дело? Объясни толком.

— Слушай, мы этому Басяну, как старому, заслуженному человеку, во всем навстречу пошли. Мы ему три квартиры показали. Ты слышишь? Так в одной ему слишком высоко, в другой вид из окна не нравится, в третьей расположение комнат не подходит. Замучил он нас.

— Хорошо. Мы это уладим, — сказала Рузанна.

День выдался неудачный.

Ни одно дело, начатое с утра, не удалось довести до конца.

А кроме того Рузанна опять не знала, где и когда увидит Гранта. За последний месяц не было дня, чтобы они не встречались. Но Рузанна нервничала, если о встрече не удавалось договориться заранее. Вчера им пришлось расстаться при посторонних. Сегодня Грант, может, и заходил, да не застал.

Искать его в кафе Рузанне не хотелось. Там работали с Грантом два его товарища — оба еще студенты, молодые и беспечные, как щенята. Армен, сын крупного профессора-медика, упитанный, добродушный, старательно выполнял все требования. Вова, черный, большеротый, очень талантливый, вступал с Грантом в бесконечные пререкания, с проклятиями швырял на пол кисти, убегал, но минут через пятнадцать возвращался как ни в чем не бывало. Раз, заглянув к ним в перерыв, Рузанна застала у художников двух девушек. Они показались ей очень хорошенькими и самоуверенными. Грант, сидя на верхушке лестницы, рассказывал им замысел будущей картины.

Время шло, каждая минута и каждое слово Гранта казались Рузанне украденными у нее. Высокая длинноногая девушка о чем-то бесконечно спрашивала. Грант подробно отвечал ей. И Рузанна чувствовала, как у нее в неестественной улыбке каменеет лицо.

Когда, спрыгнув с лестницы, Грант взял ее под руку и повел к выходу, Армен за их спиной пояснил:

— Это из министерства...

Девушки понимающе протянули: «А-а-а...»

Но зато вечер этого дня Рузанна и Грант провели в мастерской. Отец Армена начал в пригородном саду строительство дачи, возвел коробку двухэтажного дома, потом охладел к своей затее и строительство забросил. В недостроенном помещении художники оборудовали себе мастерскую, которой очень гордились. Высокое, сложенное из камней, неоштукатуренное здание напоминало средневековый замок. Чугунная печурка, которую топили каменным углем, слабо обогревала огромное помещение. Куча угля навалом лежала тут же, в углу. Стекла были вмазаны цементным раствором прямо в оконные проемы без рам, на втором этаже окна просто забили досками.

По стенам на железных крюках висели картины.

Работы Гранта легко отличались от картин Армена. В первый же день Рузанна узнала их по чистоте красок и определенности контуров. Но в последнее время художник изменил своей манере. «Ветер» — называлась картина, которую он только что кончил. Улица с взвихренным обрывком бумаги, велосипедист, мчащийся навстречу ветру и преодолевающий сопротивление воздуха, окно дома, внезапно распахнутое сквозняком...

— Жизнь в движении, — пояснил идею картины Армен.

Ему, бедному, движение не давалось. Картины Армена были монолитны и неподвижны. Рабочий стоял у раскаленной печи как монумент. Шахтер занес руку с молотком — и нельзя было поверить, что молоток когда-нибудь опустится. Балерины застыли в неудобных позах, и их было жалко. Хорошо получались у него натюрморты. Не фрукты, не цветы, а предметы — кувшин, бутылка, шкатулка.

Грант натюрмортов не писал. Он любил живую натуру.

Рузанна узнавала Аник, мальчишек. Сестру он писал много — за шитьем, за стиркой, с ребенком на руках. Еще много было этюдов и портретов красивой светловолосой девушки. Показывая их, Грант объяснял:

— Назик с цветами... Назик в окне... Назик умывается...

Назик умывалась, обнаженная до пояса. Рузанна опять почувствовала, что у нее каменеет лицо.

В этот день Армену долго не приходила в голову мысль оставить Рузанну и Гранта наедине. Рузанна думала: «Он считает, что я просто из министерства...»

Наконец Армен исчез.

В мастерской Грант включил маленькую настольную лампу-грибок. Загудела печка. Откупорили бутылку шампанского. Рузанна опросила:

— Ты ее любил?

— Тогда любил. — Грант сразу понял, о чем она говорит.

— А теперь?

Он ответил очень мягко:

— Ты ведь знаешь...

Рузанна много раз вспоминала этот разговор. Его ответ мог означать только одно: «Я не люблю больше Назик, потому что теперь я люблю тебя».

Но ей хотелось, чтобы эти простые, прямые слова были им сказаны.

Зоя любила морально-этические проблемы. Тонем многоопытного человека она объясняла:

— В нынешнее время не принято говорить «Я тебя люблю» или «Будь моей женой». Это архаизм. Прошлый век. Сейчас вполне достаточна такая формула: «Я к тебе очень хорошо отношусь»...

— Рубик тебе так и сказал? — скептически интересовалась Рузанна.

— Ну, Рубик раньше был очень застенчивый. Он мне письмо прислал. А в письме как-то не напишешь: «Я к тебе хорошо отношусь». Пришлось по-старому. Но, знаешь, такие вещи угадываешь. Если, конечно, в человеке есть чуткость.

Рузанна была достаточно чуткой. Она понимала, что Грант ее любит, и знала, что надо мириться с неустроенностью их отношений. Они не могли встречаться в мастерской так часто, как им хотелось. Армен работал там вечерами. Он был усидчивый и очень трудоспособный.

Но иногда Грант звонил:

— Встретимся сегодня в башне.

И весь день становился предвкушением радости. Наскоро пообедав, Рузанна переодевалась и под каким-нибудь предлогом убегала из дому.

За небольшим выгнутым мостом, перекинутым через быструю капризную речку, кончался город. Узкие улицы с протоптанными по грязи дорожками вели в оголенные по-зимнему сады.

В городе было сухо, но здесь, под деревьями, лежал снежок, пахло прелым листом и дымком, как в деревне.

Рузанна любила приходить раньше Гранта. Ключ лежал в условленном месте — под бревнами, заменяющими ступеньки. Она распахивала дверь, чтобы

немного выветрить запах табачного дыма и скипидара, топила печку, ставила на огонь закопченный чайник. Это была игра в свой дом.

Сидя у печки на маленькой скамье, Рузанна прислушивалась к каждому шороху за дверью. Со стен на нее смотрели величественные сталевары и рудокопы, лукавые и грустные девушки. Обостренным слухом она ловила короткий тупой звук. Это Грант перепрыгнул через невысокий каменный забор. Потом слышались его быстрые шаги.

Целуя ее, он спрашивал:

— Ты давно меня ждешь? Не боялась одна?

Она могла притвориться испуганной, чтобы он утешал ее, посадив на колени и покачивая, как ребенка.

Она могла притвориться рассерженной, чтобы он, встревожившись, заглядывал ей в глаза.

Она могла вовсе не притворяться, обхватить его шею, чтоб почувствовать, как сильные руки оторвут ее от пола.

И никому не было дела до разницы в их возрасте. И совсем не нужно об этом думать...

Но на работе звонил телефон.

— Рузанна Аветовна, это вы? — опрашивал тоненький женский голос.

Рядом кто-то хихикал.

— Попросите, пожалуйста, вашего сына.

— Вы, наверное, ошиблись, — говорила Рузанна.

— Как, разве Грант не ваш сын?

И кто-то, давясь от хохота, швырял трубку на рычаг.

Рузанна чувствовала, что могла бы убить эту девушку с тоненьким голоском. Все хорошее, даже не связанное с Грантом, исчезало при воспоминании об этом звонке.

Разумная Зоя говорила обиняками:

— В жизни за все отвечают женщины. Несправедливо, но факт. Я что-то не видела несчастных мужчин, а женщин сколько угодно. В конце концов расплачиваются женщины...

Но Рузанна не могла думать о том, что будет «в конце концов». И несчастной она тоже быть не собиралась.

Но вот в такие дни, как сегодня, все не клеилось.

Тосунян мог вспомнить: «Как этот старик? Уладили с ним?» Директора торгов не подготовили материалов к предстоящему совещанию. Проектная контора запрашивала кубатуру складских помещений, а в отделе еще не было данных. День тянулся бесконечно, и звонок прозвенел, тоже ничего не обещая.

Из учреждения она вышла вместе с Зоей. На углу маячила долговязая фигура Рубика.

— Ах ты, мой милый, ненаглядный! — пропела Зоя, привычно подставила мужу локоток и помахала Рузанне варежкой.

Зое не надо волноваться. Рубик придет непременно. Не сюда, так домой. Ей не надо ни таиться, ни стыдиться своего чувства. И при этом она еще чем-то недовольна!

Рузанна шла, опустив глаза, засунув руки в карманы новой шубки.

Недавно директор мехового магазина зашел в отдел капитального строительства и похвалился:

— Такой товар получен — картинка. Называется «ондатра», что означает — крыса. А вещь, представьте, получается шикарная. И недорогая сравнительно. Китайское производство.

Меховую шубу Рузанне давно хотелось.

— Ты не очень-то верь, — предупреждала Зоя. — Он подбивается, чтобы ему капитальный ремонт магазина сделали. С лепным потолком мечтает. И скажите, пожалуйста — с каких это пор китайские меха ценятся? Меха русские ценятся! Вид-то, может быть, и шикарный, а на второй год возьмет и облезет. Но шубу Рузанна все-таки купила. Ашхен Каспаровна сказала: «Так и так на будущую зиму тебе надо делать пальто». Шуба стоила дороже, но отец

добавил. Свои деньги Рузанна сейчас тратила только на «тряпки», как говорила мама. Стала каждый день носить замшевые туфли, которые раньше берегла для театра, купила гарусный жакет табачного цвета и к нему коричневую юбку.

Грант нарядов не замечал. Он говорил: «Какие у тебя сегодня ясные глаза». «У тебя очень стройные ножки». Говорил: «Как это красиво — зеленый шарфик на твоих волосах».

Рабочий день кончился. Улицы были заполнены людьми. Все спешат домой, а Рузанне некуда торопиться. С какого-то времени дом, где она выросла, перестал быть ее домом. А своего она не завела.

Рузанна смотрела вниз, на тротуар. Кто-то в черных мужских ботинках быстро шел ей навстречу и остановился, не пуская ее вперед.

— Почему ты не смотришь на меня? — спросил Грант.

Она даже не обрадовалась — просто сразу стало спокойнее. И наконец можно было глубоко вздохнуть всей грудью.

— У меня сегодня отвратительный день, — пожаловался Грант.

Рузанна протянула ему руку, и он больше не выпускал ее из своей измазанной красками ладони.

— Мы окончательно разошлись с Вовкой!

— Успокойся. Завтра он вернется.

— Не в том дело, — вздохнул Грант. — Мы расходимся внутренне. Он талантлив, но видит иначе. Ему хочется писать девушку с кувшином на плече и навьюченного ослика. Будто бы это больше отвечает его представлению об истинном творчестве. — Грант на ходу резко обернулся к Рузанне. — Где он видит девушку с кувшином на плече? В опере? Трехтонки бегут по нашим дорогам, трехтонки, а не ослики! Почему написать машину в движении — это плакат, а осла — картина?

Он прикусил губу, с минуту шли молча.

— А может быть, мы просто не умеем писать машину? Мастера тысячелетиями писали ослов и девушек с кувшинами. Но разве в самолете,

отрывающемся от земли, меньше красоты? Я ручаюсь — если бы мой предок увидел самолет, он населил бы самолетами все небо в своих картинах... Как ты думаешь?

На эти вопросы Рузанна не умела отвечать. Она их боялась. Но Грант сказал: — В такое время мне очень нужна ты...

Она благодарно сжала его руку. У нее тоже были свои неудачи, пусть не такие значительные. Рассказ о старике Басяне получился скорее смешной, чем грустный. Но Грант не улыбнулся.

— Где этот дом?

Они только что прошли мимо деревянных ворот с вделанной в створку старинной железной колотушкой.

— Хочу пойти туда.

Дворик, куда они вошли, был таким же, как многие дворы старого города. Большое тутовое дерево, два тоненьких персиковых деревца, курятник. У покривившейся лестницы — выдолбленный в виде огромной ступки камень, в котором толкут пшеницу.

Прямо с балкона дверь вела в жарко натопленную комнату. В жестяной печке-временке трещали дрова. Семья кончала обедать. Из-за стола вскочила молодая женщина, поднялся парень с резко очерченным профилем древних армянских воинов.

Старик, сидя на тахте, перебирал стершиеся янтарные четки. Он тотчас узнал Рузанну.

— Внук мой Гайк, — кивнул дед на юношу, — а это жена его. Со мной живут.

Гайк, еще не зная, кто такие гости и зачем они пришли, приглашал:

— Обедать садитесь... Непременно... Как можно...

Нельзя было отказаться от густого супа, обильно сдобренного душистыми травками. Рузанна стеснялась, а Грант ел спокойно, с аппетитом, будто вырос в этом доме. Он уже называл невестку старика Тamarой, беседовал с ней о часовом заводе, где она работала, и о кожевенном, где работал Гайк. На кожевенном Грант бывал часто — делал зарисовки для одной картины, когда

третий новый цех построили на месте старой кожемялки братьев Самсоновых. Дед Ваграм, верно, их помнит.

Дед усмехнулся. Не то что братьев Самсоновых, он их отца Хосрова Самсонова знал. Хосров простой был человек, сам в яму лазил, кожу мял. Сыновья — те уже гордо себя держали. А он, дед Ваграм, туда мальчишкой поступил и потому сейчас считается старейшим рабочим на старейшем предприятии республики. Этими словами в газете написано. Дед и Степана Шаумяна перед собой видел — вот как сейчас Гранта видит. По слову Шаумяна и стачку на заводе начинали. Сам дед это делал, Габриэл Парсамян да Никол Гукасян. А больше никого из прежних не осталось. Сейчас многие говорят, что с Шаумяном разговаривали и в той стачке участвовали. Но верить им не надо. Врут.

В подтверждение его слов на столе появилась уже знакомая Рузанне потрепанная папка. В ней были выписки из приказов, справки, почетная грамота и очерк, напечатанный в республиканской газете. Документы свидетельствовали о полувековом честном труде рабочего-кожевника Ваграма Басяна.

— Для чего я тогда к тебе пришел? — спросил Грант. — Кто кого должен учить — я тебя или ты меня?

Дед насупился.

— Меня учить не надо. Мне надо уважение оказать, как я того стою.

— Уважение! — с горечью выкрикнула Тамара. — Три квартиры показали! Из крана горячая вода течет!

— Пошла вон, — приказал старик.

Тамара махнула рукой и скрылась в соседней комнате, откуда доносился писк младенца.

— Значит, не то мне надо, — ни на кого не глядя, объявил дед.

— Но ведь в тех квартирах гораздо лучше, чем здесь, — сказала Рузанна, — там ванная, теплая уборная.

Старик повел на нее глазами.

Ванная и это прочее, что она упомянула, конечно, неплохо, но лично он, Ваграм Басян, интересуется другим. Ему нужна квартира, в которой летом прохладно, а зимой тепло. Взбираться на третий этаж ему трудно, а в первый этаж он не пойдет — там шумно. Лучше еще подождать и уж выбрать по своему вкусу.

— Упрямишься, дед, — покачал головой Грант. — Не пойму только, что хорошего ты видишь в этой дыре.

— Щенок! — гневно крикнул старик.

Рузанна привстала. Но Грант даже не взглянул на нее.

— Щенок! — еще раз повторил Ваграм Басян. — Мой прадед клал стены этого дома!

Он сердился, и речь его была быстрой и бессвязной.

...Э-э, да что говорить! Уходит навсегда город детства и молодости Ваграма Басяна, уходит город его жизни. Журчащие арыки на улицах, цветущие деревья в двориках, плоские крыши, на которых он спал под звездным небом мальчиком, юношей, мужем. Берег реки, куда он ходил с друзьями, залит бетоном. Дом, из которого он повел в церковь свою жену, снесен. И церковь снесена. И сады скрыты.

Где вкус того винограда, который он ел пятьдесят лет назад? Где такие груши, какие росли во дворе его тестя? Над городом стояли Масис и Ааргац... Кто их видит сейчас? Закрыты они высокими домами...

Из соседней комнатухи выскочила Тамара, держа на руках ребенка. Презрев традиционную молчаливую покорность, обязательную для невестки, она с горечью выкрикнула:

— О старом сердце тоскует!.. Тетя Маран, родная его дочь, рассказывала — хлеба черного вдоволь не видели! В болячках, в коросте жили...

Не глядя в ее сторону, дед отвечал ей:

— Дурак будет тот, кто добрым словом вспомнит старые порядки. И мало ума в голове у того, кто меня в этом упрекает. Сам я для этой новой жизни кровь и пот проливал. Но легко ли уйти из дома, в котором родился? В жилотделе тоже

считают: дед Басян склочник, дед Басян зазнался. В тот день Рутян кричал: «Дед особняк хочет!» Нет...

— Как своего отца, спрашиваю: чего же ты хочешь? — Голос Гранта прозвучал неожиданно мягко.

— Ах, кабы ты мне это сказал, сынок! — Старик глубоко вздохнул. — Если б мог я войти в новый дом молодыми ногами, с прямой спиной, верно, все мне там понравилось бы... А сейчас...

Грант развел руками.

— Но ведь ты сам знаешь, как бывает в жизни. У отца вырастает сын, строит для себя дом, и его дом уже не похож на отцовский.

Гайк присел на тахту рядом с дедом и поправил лацканы его пиджака.

— Сколько раз ты мне сам говорил, дедушка: «Оборви хоть все бутоны в своем саду, весну этим не остановишь». Нам надо скорей переехать.

Старик оттолкнул внука.

— На третьем этаже не желаю — мне подниматься трудно. А там как хотите. Ваше дело.

Реденький мокрый снег падал и таял под ногами. Никому не пришло бы в голову гулять в такую погоду. Но Грант не отпускал Рузанну.

— Ничего мне не жалко, кроме времени. Каждого уходящего дня жалко, каждого часа. Прав твой дядя Липарит. Ни на одном поколении не лежала такая ответственность, как на нашем. Ответственность перед теми, кто умер за нас, перед собой, перед будущим...

Рузанна спросила тихо:

— А счастье?..

— Это и есть счастье — отдавать все, что можешь... Нет, больше, чем можешь! И мы обязаны быть счастливыми на этой земле.

— Я никогда не думала ни о чем таком...

Он крепко сжал ее руку.

— И всегда поступала правильно. Это твоя особенность.

У ворот дома Грант сказал:

— Какая глупость, что мне сейчас надо уходить от тебя. Давай как-нибудь устроим, чтоб нам не расставаться...

Рузанна очень ждала этих слов, но ответа своего не знала.

— Скажем всем, что мы вместе, — настаивал он. — Хорошо?

Наверху открылась дверь.

— Это ты, Рузанна? — позвал встревоженный голос Ашхен Каспаровны.

— Хочешь, скажем сейчас? — спросил Грант.

Она закрыла ему рот рукой.

— Да, мама... Я задержалась на работе... Иду!

Грант крепко обхватил ее руками.

— Какая ты сегодня пушистая!

Он только сейчас заметил новую шубу!

* * *

К этому разговору они не возвращались. Но такое решение уже не казалось Рузанне невозможным. Все условности отступали перед желанием двух людей быть вместе, Рузанна повторяла это себе много раз.

Ее очень подкрепляло, что Грант никогда не упоминал о разнице в их возрасте.

Он и не думал об этом. Так во всяком случае казалось Рузанне.

В тихую минуту, лежа на тахте в мастерской, она сказала:

— Вот только одно меня тревожит...

Грант не дал ей договорить. Наклонился и стал целовать ее быстрыми, нежными поцелуями:

— Не важно... Поверь, это не имеет никакого значения...

Ей стало неприятно. Он сейчас думал за нее, и думал неверно.

Немного погодя она спросила:

— Где мы будем жить?

Он задумался.

— Не знаю. Если хочешь — у нас.

— Где же у вас? Тесно.

— Ну, комнату снимем. А хочешь, я к вам переберусь?

— Понравится ли это Аник...

Грант пожал плечами.

— Я останусь ее братом, где бы ни жил...

С этого вечера Рузанна стала готовить свой дом. В маленькой комнате с одним окошком особенно много не сделаешь. Но у Рузанны на этот счет были свои соображения. Она выбросила из комнаты все картинки, полочки, безделушки, которые перестали ей нравиться, постелила на пол коврик, а вместо кровати устроила тахту. Стены оставила совершенно чистыми. В своем доме Грант, конечно, повесит картины.

Отец в домашние дела не вмешивался и переделок не замечал. Мама сказала:

— Лишь бы тебе было хорошо.

Что она знала, о чем догадывалась? Почти каждый день Рузанна замечала знаки особого внимания. В ее шкафу появилась стопка новых простынь, пара нарядного белья. Большое зеркало перекочевало с маминого стола в комнату к Рузанне.

В другое время она посмеялась бы: «Приданое мне готовишь?» Сейчас это было приятно, как молчаливое согласие.

Она не хотела никакого шума, никакой гласности. Если все объявить заранее, то отец захочет устроить свадьбу, созовет знакомых, друзей, соберет всю родню. Он обязательно скажет: «Десять дочерей у меня или одна? Может быть, я ее на улице нашел? Или моя дочь недостойна веселой свадьбы?»

Очень ясно можно представить себе, как надрывно станут петь дудуки, затарахтит бубен, как будут смотреть на Рузанну и Гранта любопытные гости. И все-таки привести Гранта в обычный, будничный день и сообщить: «Это мой муж», — тоже неловко.

Но приближалось двадцать третье февраля — годовщина свадьбы родителей. То, что этот день был Праздником Советской Армии и отмечался салютом, придавало семейному событию больше блеска и торжественности.

Как всегда, должны были прийти дядя Липарит, тетя Альма, кто-нибудь из друзей отца. На этот раз Рузанна позвала Зою с Рубиком и предупредила Гранта:

— Обязательно наденешь чистую сорочку... Слышишь, не забудь! И побреешься... И галстук аккуратно повяжешь... Это очень важно. Понимаешь?

Больше она ему ничего не сказала. Но разве трудно понять?

У Рузанны не было определенного плана. Может быть, за столом она предложит: «Выпейте за наше здоровье». Может быть, когда разойдутся гости, Грант останется, и все сделается ясным само по себе. Ее дом станет его домом. Не надо будет искать встреч на улицах и рассказывать друг другу о своих делах под проливным дождем. Не нужно ждать свободного вечера в мастерской, чтобы побыть вместе.

И настанет наконец время, когда все привыкнут, что Рузанна старше своего мужа, и никому не придет в голову удивляться этому или думать об этом.

День выдался солнечный, с запахами просыпающейся земли, с легким ветром, дующим от снегов Арарата.

И все дела спорились — одно за другим, так что к вечеру дом был убран, кушанье и печенье приготовлено. Оставалось только нарядиться.

Мама сказала:

— Люблю кануны праздников. В них надежда, ожидание.

— Но ведь праздник сегодня, — ответила Рузанна.

— Разве? — Ашхен Каспаровна улыбнулась.

Рузанна обхватила ее руками.

— Помоги мне, мама...

Она крепче прижалась к матери. Пусть все будет проще, естественнее, без лишнего шума. Ведь это не так легко, как может показаться на первый взгляд...

Она не сказала этого. Мама и так все понимала.

Потом они сообщили отцу:

— Ты не очень удивляйся, если сегодня услышишь что-то необыкновенное.

Отец был лишен воображения. Он ходил за мамой и жалобно спрашивал:

— Что я услышу, Ашхен? Нет, мне все же интересно — что я услышу? Хоть намекни — насчет чего?

Вероятно, мама намекнула, потому что немного погодя он, растерянный, притихший, сидел у радио, крутил рычажки, ни о чем уже не допытывался. И Рузанна вдруг впервые увидела, что волосы у него совсем седые и плечи постариковски опущены.

Раньше всех пришла тетя Альма, как всегда, взволнованная очередными открытиями в области науки, литературы и домоводства.

Оказывается, стекла надо мыть нашатырным спиртом, а двери керосином. Смущало тетю Альму, что в указаниях было написано: «В воду прибавить немного керосину».

— Как понимать «немного»? — рассуждала она. — Может быть, для меня «немного» — это чайная ложка, для другого человека — пол-литра, а для какого-нибудь нефтяного короля — полтонны?

Потом она сообщила, что даже у кусочка железа можно выработать условный рефлекс. По ее словам, выходило, что ученые-физики приучили железку решительно реагировать на раздражения, и главное — рефлекс закрепляется.

— Вот все носились с учением Павлова о рефлексах, — сделала она, как всегда, неожиданный вывод, — а выясняется — ничего особенного!

Тетя Альма любила ниспровергать авторитеты:

— И Шекспир, оказывается, тоже не Шекспир, а просто какой-то лорд... Возмутительно!

Выкладывая эти сведения, она помогала накрывать на стол и поминутно опрашивала:

— Солонку доверху наполнять?

— Можно не доверху, — говорила мама.

— Ну, тогда как? На три четверти?

Рузанна подмигивала маме, и они обе смеялись. Весь вечер они смеялись по любому поводу. А иногда без повода, просто, встретившись глазами, посмеивались каждая про себя.

Тетя Альма потребовала объяснений:

— В чем дело? Почему вы такие веселые?

Все равно рано или поздно она узнает. Но намеком от нее не отделаешься. Ей нужно сказать прямо: «Сегодня к нам придет будущий муж Рузанной».

Сперва тетя Альма обиделась. Как это ей до сих пор ничего не дали знать! Потом объявила, что ей немедленно надо ехать домой — переодеть чулки и сменить вставочку у платья. Наконец она прослезилась, поцеловала Рузанну, и та подумала, что, может быть, самое худшее уже позади.

На небе проступали ранние зеленые звезды. Рузанна в своей комнате переодевалась во все новое, свежее, красивое. Кончился строй ее одинокой жизни. И, как всегда на каждом рубеже, немного грустно.

Как уберечься от ошибок? Что сделать для счастья?

За стеной звякнули струны тары. Пришел дядя Липарит. Отец говорил, помогая гостю раздеться:

— Да, тридцать пять лет... Прожито, как один день... Каждому можно пожелать!

Хорошо, когда выходят замуж в юности! Мама и сегодня еще не старая. А Рузанне вряд ли доведется справлять такой юбилей...

Она рассмеялась: еще ничего не начав, думать о юбилее!

Стали приходиться гости. Зоя накрутила светлые волосы в локоны, нарядилась в розовый нейлон — и из деловой, строгой женщины превратилась, как заявила тетя Альма, в прелестное воздушное создание. В комнате Рузанной, затягивая спустившуюся петлю на чулке (вечная история с этими паутинками!), Зоя первым делом обрисовала очередной конфликт со свекровью:

— Понимаешь, я Левончику говорю — ну, просто как ребенку: «Ты у меня наполовину золотой, наполовину серебряный, наполовину русский,

наполовину армянский». А она из другой комнаты кричит: «Не внушай с малых лет ребенку глупости!» По-твоему, и это стерпеть?

Потом, оглядевшись, отметила:

— У тебя очень симпатично стало. Только голо немного. В честь чего это — такие перемены?

Рузанна улыбнулась.

— Ой, ты от меня что-то скрываешь!

— Все тайное станет явным...

— Сегодня? — обрадовалась Зоя.

Загрохотал салют. Над городом — пучок за пучком — взлетали красные и зеленые звезды, озаряя дома и людей неправдоподобным светом. На улицах было полно ребятишек, и каждый залп сопровождался восторженными криками.

Пришло время садиться за стол. С букетом восковых роз явился Давид Сергеевич — бухгалтер совхоза. Дядя Липарит и Рубик доиграли очередную партию в нарды. Мама вопросительно поглядывала на Рузанну. Грант должен был прийти непременно. Хотелось, чтобы он явился пораньше, не привлекая особого внимания. Но мало ли что могло его задержать...

Отца с мамой посадили рядом. Это был их день. Давид Сергеевич — бессменный тамада — водворился во главе стола. У него готов был тост, как всегда пышный и затейливый, где мама сравнивалась с розой и горной ланью, а отец — с соловьем и охотником.

Но почему-то все медлили. Никто не принимался за еду.

— Ждем кого-нибудь? — хмурясь, осведомился дядя Липарит.

— Нет, ничего, — быстро ответила Ашхен Каспаровна, — кушайте... Придет очень близкий человек...

И тут в дверь постучали. Сперва негромко. Потом забарабанили. На стук выбежала Рузанна, за ней заторопился отец. Маленькая передняя наполнилась шумными людьми. Рузанна узнала двух художников, длинноногую девушку с капризным лицом. Точно Гулливер среди лилипутов, возвышался

монументальный Баблоев — он галантно поцеловал Рузанне руку. Были еще какие-то незнакомые девушки и мужчины. В суматохе не определишь, сколько явилось новых гостей. Грант помогал раздеться девушкам. Он весело объяснял:

— Понимаете, были в одной компании. Я встал, чтобы уйти... Ну, все за мной...

— Отлично сделали, — суетился гостеприимный отец. — Вот к нам молодежь пришла... Люди искусства, художники, так сказать, — возвещал он, подталкивая гостей к столу.

Места не хватало. Пришлось наскоро приставлять к обеденному невысокий кухонный столик. Опрокинули несколько рюмок, разбили бокал. Но это уж так водится...

Приборы сдвинулись. Теперь на мамином месте, украшенном букетом цветов, сидела тетя Альма. Рядом с ней Баблоев — самый видный и представительный из всей компании. И по возрасту, и по красоте только он подходил в мужа Рузанне. Тетя Альма беспрестанно ловила взгляд молодой хозяйки, чтобы восхищенно-одобрительно покивать ей головой.

Новые гости чувствовали себя непринужденно. Они уже немного выпили, пришли своей компанией. Им было весело. Высокий юноша со светлыми волосами, ловко постукивая вилок по тарелкам, вазам и рюмкам, отбивал веселый джазовый мотав. Грант, стоя у окна, рассказывал девушкам какой-то анекдот. Рузанна несколько раз просила их:

— Сядьте за стол...

Ашхен Каспаровна убежала на кухню. Ее тревожило, что не хватит еды.

Когда наконец всех рассадили, тамада долго добивался тишины. Девушки шептались и громко хохотали. Грант показывал фокус со спичками. А тетя Альма сладким голосом допрашивала Баблоева:

— Вы уже свили свое будущее гнездышко?

На что Баблоев, отец троих детей, неопределенно бормотал:

— Возможно... да... очень возможно...

Наконец Давид Сергеевич торжественно закашлял, держа бокал высоко над головой. Но говорить ему не дали. С противоположного конца стола поднялся плотный молодой человек. Его густой баритон перекрыл все голоса:

— У меня есть дорогой тост...

Стало любопытно. Гости замолчали. Рузанна огляделась. Отец стоял — ему не хватило места. На его грустном лице была готовность выслушать оратора. Ашхен Каспаровна, сощутив глаза, смотрела куда-то мимо Рузанны.

— Я прошу всех здесь присутствующих, всех, кто меня уважает, поднять этот бокал за Вануи... Ее сейчас здесь нет, и это большое упущение для нашего стола. Но мы все, как один человек, выпьем до дна за Вануи!

Девушки снова рассмеялись. Молодые художники потянулись к оратору с бокалами.

На другой половине стола никто не притронулся к вину.

Зоя сказала громко и возмущенно:

— Знать не знаю никакой Вануи! Почему это я должна за нее пить?

— Вы не знаете Вануи? — возмутился плотный молодой человек. — Она не знает Вануи! Тем хуже для вас... Но это меня удивляет. Вы ее действительно не знаете?

В сумятице голосов Рузанна услышала смех Гранта и его слова:

— Да выпейте вы за Вануи... Уверяю вас, она этого стоит!

Давид Сергеевич старался спасти положение:

— В дальнейшем мы все с удовольствием поднимем бокалы за вашу знакомую. Но сегодня этот стол накрыт несколько по другому поводу...

К Рузанне наклонился худенький юноша:

— А собственно, где мы находимся, вы не скажете?

Дядя Липарит это услышал. Он гневно отодвинул стул и поднялся. Отец бросился к нему, но не уговорил. Дядя Липарит ушел.

И все же праздник, как поврежденный корабль, управляемый опытным рулевым — тамадой, шел своим путем.

Давиду Сергеевичу удалось рассказать, как тридцать пять лет тому назад в горном ущелье Лори соловей нашел свою розу, и охотник поймал свою лань. Хватило и еды, и вина.

Пили за Рузанну — лучшее украшение, свежий бутон этого дома. И она, обходя с бокалом всех сидящих за столом, слышала, как тетя Альма, наставительно говорила Баблоеву:

— Меня только удивляет — что общего у вас с этой компанией? Надеюсь, в дальнейшем...

И Баблоев, поддерживая светский разговор, обещал:

— Да, возможно... Возможно...

С Грантом чокнуться не пришлось. Он крутил в соседней комнате патефон и танцевал со всеми девушками подряд, глядя на каждую ласковыми, влюбленными глазами.

— Кто меня уважает, пусть выпьет за Вануи! — требовал трогательный в своем постоянстве баритон.

Рузанна была рада, когда ушли Зоя и Рубик.

— Нет, они, может, даже хорошие ребята, но сегодня были определенно не к месту, — не преминула заметить Зоя.

Хорошо, что она больше ничего не сказала и ни о чем не спросила.

— Нет, почему же, культурные молодые люди... Зашли поздравить... Нам очень приятно... — неуверенно говорил отец, помогая Зое надеть пальто.

Он тоже старался не встречаться с Рузанной глазами.

Что произошло? За весь вечер она не сказала Гранту ни слова. Но осуществить то, что она задумала, было уже невозможно.

И когда у всей компании возникла мысль пойти прогуляться в горный парк, он ушел вместе со всеми, гость, ничем не связанный с ее домом.

Осталось много грязной посуды, залитая вином скатерть, папиросный дым в комнатах.

Мама принялась за уборку. Рузанна приносила в кухню тарелки. Потом молча они стали мыть посуду.

Пришел отец и, ни на кого не глядя, сказал:

— Хороший все же был вечер, правда?

* * *

Грант опять не звонил и не приходил. Но, пожалуй, это было к лучшему. Он ни в чем не провинился, ничем Рузанну не обидел. Он не знал о ее планах и не мог отвечать за то, что они не осуществились. Но впервые у нее возникло по отношению к Гранту чувство, похожее на раздражение. Было неприятно вспоминать его улыбку, когда он сидел за столом — веселый, одинаково ласковый и приветливый со всеми.

И попадись он ей на глаза в ближайшие дни, Рузанна, вероятно, сказала бы ему что-нибудь незаслуженно резкое.

В отделе было много работы. Чертежи нового универмага «Детский мир» висели в кабинете Госуняна. Енок Макарович хотел добиться наибольшего удобства во внутренней планировке здания. По его распоряжению Рузанна подготавливала совещание товароведов и руководителей торгующих организаций. Один из молодых архитекторов сделал макет универмага. У мастера не было подходящего материала, чтобы передать золотисто-кремовый, «лунный» оттенок туфа, который предназначался для новостройки. Но даже желтенький пластмассовый макет передавал впечатление легкости и стройности будущего здания.

Оно уже родилось в чертежах и в расчетах. Для него тесали туфовые плиты, готовили цемент, варили металл, и старый дом дяди Басяна, отслужив свою службу, уступал ему место на земле.

Ковш экскаватора опускался на стены, сложенные из камня и глины. Стены рушились, взметая столбы пыли.

Каждый день, возвращаясь с работы, Рузанна замедляла шаги у квартала, где, подпирая друг друга, лепились маленькие домики. В городе строили много. Люди привыкли к работе машин. И все же у экскаватора всегда крутились ребятишки, толпились любопытные. Рузанне тоже нравилось смотреть, как

неуклюжая железная пригоршня захватывает полутонный груз и опускает его в кузов грузовика-самосвала.

— Хоть поглядеть, а то ведь и не вспомнишь, что было, — сказала ей как-то остановившаяся рядом женщина. — Верите, я на этой улице родилась, и замуж вышла, и бабушкой уже стала, а какая она была раньше — ну, не могу вспомнить. Глаза закрою, задумаюсь — тогда еще что-то вижу. Плохое мы скоро забываем...

Да, плохое забывалось быстро. И ведь Рузанне даже нечего было забывать. А Грант все не приходил. Она думала: не заболел ли? Но являлся Баблов и докладывал:

— Кончаем. Кухню уже оборудовали. Завтра получаю стулья.

— А картина? — спрашивала Зоя.

— Триумф обеспечен, — обещал Баблов.

Он теперь разговаривал в особой манере:

— Композиция ваша в общем правильна, но в ракурсах допущена неточность...

Уборщице, разносящей чай, заявил:

— Такая светлая цветовая гамма чая для меня абсолютно неприемлема, — и гордо поглядел вокруг.

Грант был здоров, и ожидание, которое раньше вносило интерес и остроту в жизнь Рузанны, становилось теперь утомительным и ненужным. Внутренне ожесточаясь, Рузанна думала: «Значит, нет у него потребности видеть меня!» Она перестала ждать телефонных звонков, брала трубку спокойно, твердо зная — Грант не позвонит.

Он и не позвонил. И Арамаис Зейтунян был послан не от него. Дверь в кабинет приотворилась бесшумно — ровно настолько, чтобы тоненький, как ящерица, Армося просунулся в щель.

— Новые новости, — сказала Зоя. — Кого это вам надо?

Он не удостоил Зою ответом.

— Это ко мне, — объяснила Рузанна.

И впервые в этот день увидела, как широкой плотной полосой падает в окна солнечный свет и как по-весеннему блестят голубые оконные стекла.

Мальчик молча подошел к столу, расстегнул пальто, потом клапан нагрудного кармана и положил перед Рузанной сложенную, как аптекарский порошок, записку.

Аккуратные строки готических армянских букв извещали, что Аник просит Рузанну «посетить ее дом» сегодня, после рабочего дня.

Сдержанно-чопорный тон записки заставил Рузанну улыбнуться. При этом она тотчас взглянула на мальчика. Армося рассматривал комнату с напряженным интересом открывателя неизведанных стран. Он даже вздрогнул, когда звонок возвестил перерыв.

— Пойдем со мной... — Рузанна хотела сказать «позавтракаем», но вовремя вспомнила семейные традиции Аник. — Я тебе покажу аквариум.

Внизу, у входа в буфет, где густо пахло едой, мальчик приостановился.

— Это ресторан?

— Не совсем, — ответила Рузанна, — это место, где завтракают. А почему ты испугался?

Он передернул плечами. Подумаешь, испугался! Просто один раз, когда дома не было обеда, Тико хотел повести их в ресторан, а мама не позволила.

Рузанна чуть было не опросила: «А часто у вас случалось, что не бывало обеда?» Но поняла, что мальчик отвечать не станет. Некоторое время он был поглощен аквариумом и подошел к столику возбужденный и более разговорчивый.

— У одного мальчика есть павлиний вуалехвост. И красные телескопы, знаете...

— Ешь сосиски... Тико дома был, когда мама дала тебе записку?

— Нет. А в этом аквариуме живые ракушки водятся?

— Не знаю. А вчера вечером Тико был дома?

— Нет. А у этого мальчика есть еще маленькие рыбки. Они выпускают изо рта пену и устраивают себе гнездо.

— Значит, Тико не ночевал дома?

Он помотал головой.

— У нас тоже скоро будет аквариум... — Арамаис привстал и потянулся через столик к Рузанне. — Наш отец приезжает, — сказал он шепотом.

— Когда?

— Совсем скоро. Может быть, завтра. Его уже... — Мальчик замялся. — Он уже в поезде...

— Ты помнишь отца?

Армося кивнул.

— Ашотка не — помнит. А говорит, что помнит. Врет! — Он улыбнулся. Улыбка была счастливая и смущенная.

— Где же пропадает Тико? — немного погодя все же спросила Рузанна.

Армося с видимым удовольствием ел сосиски, запивая их лимонадом. Он ответил небрежно:

— В мастерской. Новую картину пишет. Маленькую.

— Скажи маме, что я приду обязательно...

Рузанна ощущала легкость во всем теле и прилив жизненных сил. Она переделала за день множество дел, которые могли бы и подождать, ответила на все письма — это было всегда самой нелюбимой частью ее работы.

В киоске она купила первые весенние цветы. Маленькие лилово-голубые пучки гиацинтов пахли остро и крепко. С цветами в руках Рузанна поднялась по лестнице. Аник тоже только что пришла с работы и была еще в синем бязевом халате с приставшими к нему ниточками.

Выражение недоверчивой настороженности не сошло с ее лица, но Рузанна обняла сестру Гранта, и, прижавшись щекой к щеке, они долго молча стояли в передней. Рузанна слышала, как глухо стучит сердце Аник, и ощущала теплоту ее слез на своем лице.

Ашотик сперва стоял неподвижно, потом обошел вокруг обнявшихся женщин и подергал мать за юбку.

Аник спросила:

— Тико сказал?

— Нет. Я его сегодня не видела — Армося.

Вошли в комнату, Аник сжимала в руках шапочку Ашотика, расправляла ее и снова мяла.

— Много надо сделать — ни за что не могу взяться. Ночи не сплю. Не хотела пускать детей в школу. Боюсь, вдруг в последнюю минуту что-нибудь случится... Тико даже рассердился...

Негромкий ее голос звучал сейчас полно и певуче.

— Четыре года ждала, а четыре дня — не могу. Потому что думаю: как приедет, когда приедет?.. Об этом четыре года не давала себе думать. Мысли на другое поворачивала: из чего старшему пальто сшить, как среднему брюки купить, чтоб никто не сказал — у детей нет отца...

Она все время теребила детскую шапочку.

— Аник, ведь это уже позади. Люди говорят, что Симон замечательный шофер. Вот вернется, начнет работать...

Женщина протянула вперед руки, будто приказывая Рузанне замолчать.

— Нет! Симон за руль не сядет! Землю пойдет рыть, груз таскать — машину не возьмет! Думаешь, я этого ребенка забыла? Мои дети — сытые, голодные — рядом со мной. Живые. Симон машину не возьмет, — убежденно повторила она. — И не в том дело, что деньги принесет. У детей должен быть отец. Сейчас я говорю одно, Тико — другое. Я говорю: «Не дерись, где драку видишь — отойди». А Тико учит: «Дерись, никому не спускай». Я приказываю: «Все уроки подряд учи». Тико говорит: «Учи, которые любишь!» А уж теперь как отец скажет.

Рузанна засмеялась.

— А Тико сам-то чей? Кто его воспитал?

Аник пристально посмотрела на Рузанну. Ей стало не по себе от этого взгляда.

— Я не воспитывала, — не отводя глаз, ответила Аник, — очень молодая была. Только старалась как-нибудь накормить, одеть. Я его любила больше, чем себя, а воспитать не сумела.

— Что вы, Аник! Он замечательный человек. Талантливый, щедрый...

— Это ты мне говоришь? — Аник гордо усмехнулась, и снова ее черные глаза встретились с глазами гостыи.

Рузанне захотелось уйти, но небольшая сухая рука хозяйки удержала, не дала ей подняться.

— Тико и сам себя не знает так, как я его знаю.

Она открыла желтый облупленный шифоньер, вынула из глубины полотняный мешочек. Душно пахло нафталином. Аник отколола булавки и вытряхнула на руки Рузанны серебряно-седую легкую шкурку с круглым пушистым хвостом.

— Я прошлую зиму почти не работала — дети корью болели. Тико выставку оформлял, деньги должен был получить. Вот купил мне в подарок. Увидел в магазине, понравилось — отдал почти три тысячи. А домой принес шестьдесят два рубля. Можно его за это ругать?

Рузанна ответила растерянно:

— Не знаю...

— Нельзя! — горько сказала Аник. — Это — Тико.

Ее изрезанные четкими линиями ладони гладили дымчато-седой мех.

— На что мне? Куда я это надену? А ему сказать нельзя — огорчится, замкнется...

Снова бережно уложила шкурку в мешочек, заколола булавками.

— Тико всегда так. Когда он веселый, весь мир готов тебе отдать. Когда грустный — всю душу твою возьмет. А на каждый день никто ему не нужен.

Рузанна слушала, не возражая. Аник взяла ее руку и стала перебирать тонкие, запачканные чернилами пальцы. Теперь они обе сидели, опустив головы. Ашотик прижался к коленям матери и очень серьезно глядел на нее снизу-вверх.

— До сих пор я молчала. Грант был опорой моих детей. Ты могла иначе меня понять.

Рузанна протестующе крикнула:

— Нет, нет...

— А теперь дай мне высказаться. Я тебя высоко ценю. Но сейчас даже золотой человек Гранту не нужен. Сердце его еще не созрело для друга. Он перед тобой всегда виноватым будет и сам не поймет в чем. Измучится — и тебя измучит...

Рузанна думала: «Зачем я сюда пришла?»

— Сестра брату все простит, — добавила Аник, — жена мужу — нет.

Как всегда, Рузанна пошла навстречу самому трудному.

— Он намного моложе меня...

— Не это помеха. Глаза у него еще не насытились, сердце его не наполнилось... Что делать?

Рузанна встала. На упрек она нашла бы достойный ответ, отстояла бы себя и Гранта от расчетливой опеки, от любопытства, от злобы. Но слова Аник были вызваны любовью. И разве не нашли они отклика в ее собственном сердце?

И все же Рузанна могла одним словом утвердить свое право на Гранта. Когда позади закрылась дверь, ею на секунду овладело желание вернуться и крикнуть рассудительной Аник: «А если нас уже связывает большее, чем любовь? Если я тоже хочу, чтоб у моего ребенка был отец?»

Но она знала — так не ведут спора с самим собой и с теми, кто хочет нам добра...

До сих пор ребенок казался неременной частью будущей семьи. Он появится — так и должно быть. Но сейчас, возвращаясь от Аник, Рузанна поняла: нет ничего более важного, чем эта зарождающаяся жизнь. Она обещает боль, тревоги и радость навсегда. С ней родится любовь, которая будет бесконечно расти.

Она подумала о родных. Сперва растеряются, погрустят. А потом, Рузанна знала, ребенок заполнит их дни теплотой, которая им так сейчас нужна.

Только о Гранте она старалась не думать. Для того чтобы отказаться от него, ей надо побыть совсем одной, закрыв двери своей комнаты...

Грант пришел на другой день, поздно вечером, в одном свитере, без шапки. Он задыхался от быстрой ходьбы и прижимал кулаки к груди.

— Идем, — просил он Рузанну.

— Но можно выпить хоть стакан чаю! — Ашхен Каспаровна предлагала сухо, не глядя на гостя.

Отец молча ходил вокруг стола, засунув руки в карманы.

Грант умоляюще смотрел на Рузанну. Она улыбнулась.

— Ну что ж, пойдём.

— Ты поздно? Не задерживайся.

В голосе мамы было осуждение.

Пришлось почти бежать — Грант тянул Рузанну за собой. По дороге не разговаривали.

Сразу на пороге мастерской он закрыл ей глаза.

— Не смотри.

Он был взволнован. Значит, у него удача — хороший мазок, яркое пятно...

— Нет, не поворачивайся, не открывай глаза...

В глубине мастерской заскрипел передвигаемый мольберт, щелкнул выключатель большой лампочки на длинном шнуре.

Грант снова подбежал к Рузанне и обнял ее за плечи.

— Теперь смотри!

Небольшое темное полотно. Огни домов и автомобильные фары сквозь сетку дождя тускло освещают улицу. Женщина и мужчина стоят под дождем. Их лица почти не видны, фигуры очерчены смутно. Мужчина наклонился, женщина приникла к нему.

На мольберте табличка: «Любовь».

Грант сказал:

— Это твое. Мне так хотелось скорее показать тебе. Я работал даже ночью.

Смотри, огни будто надвигаются. Правда?

Она кивнула.

— Ты ощущаешь — дождь, неудобно, а им хорошо. Ведь это чувствуется? Я над этим бился как проклятый... Тебе нравится?

— Почему им хорошо? — спросила Рузанна. — Я этого не вижу.

— Им хорошо! — горячо ответил Грант. — Ты понимаешь. Дразнишь меня, да? Не нужно...

Она подумала: «Не буду с ним спорить».

— Ты знаешь, возвращается Симон. Я счастлив и за них, и за себя. Нет, я никогда не ощущал, что Аник и дети мне в тягость. Но теперь вдруг точно освободили меня от всех запретов. Теперь я вольный. Захочу — уеду. На Памир, в Сибирь. Мне всегда хотелось.

Рузанна кивнула:

— Конечно. Почему бы тебе не поехать?..

Она могла сказать: «Родной мой, зачем тебе уезжать? Мы хотели быть вместе. Ты еще не знаешь — у нас будет настоящая семья. Разве тебе так уж хочется уехать от меня?»

Но спокойно и естественно-живо прозвучали слова: «Почему бы тебе не поехать?..»

— Попрошусь в какую-нибудь экспедицию. А, Рузанна? На Север. Новые места, новые люди. Года на три. Как захочется потом вернуться!

Она кивала головой: «Уезжай. Пусть насытятся твои глаза и созреет твое сердце. Это придет слишком поздно для меня, но ты в этом не виноват. Я могла бы сделать так, чтоб ты никуда не уехал. Но я отпущу тебя. Так я решила. И это правильно, потому что я лучше знаю и себя и тебя...»

— Рузанна, в прошлый раз я сделал что-то не так? Прости.

Она усмехнулась:

— Это уже не важно.

Грант заглянул ей в глаза.

— Почему ты сегодня особенная?

— Какая? — Она слегка погладила его руку.

— Особенная. — Он заметил слезы на ее лице. — Рузанна, что надо сделать, чтоб тебе было хорошо?

Она ответила:

— Мне очень хорошо.

* * *

На больших собраниях Рузанна обычно садилась в последних рядах, ближе к двери. На этот раз Тосунян кивком головы подозвал ее к своему столу. Она прошла длинный кабинет для заседаний, заполненный людьми — директорами торгующих организаций и крупных ателье. Сесть пришлось рядом с министром. Он положил перед ней бумагу и стукнул карандашом о полированный край стола.

Кто-то запоздавший на цыпочках, втянув голову в плечи, пробирался на свободное место. Проводив его глазами, Енок Макарович очень коротко своим глуховатым голосом пояснил цель совещания: уточнить потребность в товарах для детей всех возрастов, определить требования населения в смысле ассортимента и качества, а также — главное! — выслушать соображения, пожелания и предложения работников торговли относительно будущего универмага «Детский мир».

Тосуняна слушали в тишине ненарушаемой.

По этому поводу Рузанна как-то спорила с Зоей. Та утверждала:

— Будь спокойна, милая, назначат тебя министром — и можешь на собрании хоть телефонную книгу за один раз прочесть. Аудитория будет полна внимания.

Но Рузанна знала, что это не так. В Тосуняне была убежденность и значительность, заставляющая прислушиваться к каждому его слову.

Ей вспомнилось, как он шел вчера между столиками кафе, шел своей обычной неторопливой походкой очень занятого человека, который старается использовать каждую минуту отдыха. Ему навстречу вставали художники, писатели, артисты — люди, которые даже и не видели его никогда.

Правда, там очень старался Баблоев. Он встретил министра у входа, помог раздеться и торжественно повел через весь зал, к центру кафе, где уже сидел за столиком старый художник...

Но Баблоев Бабловым, а разве Грант не признался:

— Очень хочется, чтобы на обсуждение пришел Тосунян...

И попросил:

— Ты можешь это устроить!

Рузанна ответила резко:

— На твоём торжестве непременно нужен генерал?

Он не умел обижаться.

— Понимаешь, привлекает меня чем-то этот человек... Нравится, что ли, он мне...

Тосунян повертел в руках пригласительный билет: «Союз художников просит вас... Дружеская встреча...»

— Что ж... Начали мы с тобой дело, надо закончить. Ты видела эту... картину... Ну, как?

Рузанна сообщила сдержанно:

— По-моему, красивая.

Приехали они, конечно, с опозданием. Грант несколько раз звонил:

— Почему тебя нет?.. Хочешь, я приеду за тобой?..

Потом сказал:

— Черт с ним, не жди ты его...

Наконец секретарша известила:

— Енок Макарович спустился к машине...

В просторном высоком кафе плавал синий дым и чем-то вкусно пахло. Навстречу Тосуняну поднялся старый художник.

— Наши деды говорили: «Тому, кто вырастил хоть одного сына и посадил хоть одно дерево, легко будет умирать»... Вырастили, а? — Художник кивнул на панно.

— Зачем умирать? Зачем умирать? — Тосунян пожимал тянущиеся к нему руки.

Сейчас, на деловом заседании, пока Енок Макарович говорил и Рузанне еще ничего не надо было записывать, она вспоминала вчерашний день.

Грант бережно отвел ее за соседний столик. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, как обстоит дело. Она хорошо знала эту счастливо-отрешенную улыбку и прищуренные глаза, смотревшие поверх людей и вещей. Он хотел устроиться рядом, но Рузанна отослала его к столику, где сидели почетные гости.

Кто-то говорил:

— Удивительный сиреневый колорит! Это особенность воздуха Армении. Но художники до сих пор не решались уловить эти почти неправдоподобные тона...

— Самолет вписан в небо как неотъемлемая живая деталь...

Перед Рузанной поставили чашку кофе. Откуда-то появился Армен. Торопясь и глотая слова, шептал:

— Очень хвалят. Почти все. Так, кое-какие частные замечания.

Обсуждение шло без председателя, президиума и протокола. Кто хотел — вставал и говорил. Грант присаживался к столику оратора. Но к Воле он не подошел. Даже не взглянул в его сторону. Отвернулся и с безразличным видом крутил в руках хрупкую коньячную рюмочку.

— Вова Мхитарян дождался приезда министра, — произнес кто-то рядом с Рузанной.

Вова не говорил о качестве картины. Не говорил из скромности. Как-никак в какой-то степени и он был ее создателем. Но он хотел объяснить, почему, начав эту работу вместе с Гедаряном, он вышел из бригады.

— Подлец, — стонал рядом Армен.

Оказывается, дело было в идейно-национальной концепции картины. Она Воле не устраивала. Арарат был лишен всяких национальных признаков. С тем

же успехом это мог быть и не армянский Арарат. Это был не тот Масис, к которому веками возносились стоны народа.

Армен терзался:

— Ах, сволочь, ах, гадина...

В пейзаже нет ничего армянского. Самолет характерен для любой страны. Многоэтажный город вдали — не типичен. Машины на дороге ничего не говорят душе истинного армянина. А народ хотел бы видеть на фоне вековой горы подлинно национальную деталь: памятник прекрасного древнего зодчества, корзину с гроздьями винограда на плече девушки...

Рузанна смотрела на Гранта. Видела, каким спокойным — сделалось внезапно его лицо. Он осторожно поставил рюмку на стол. «Ничего, — подумала Рузанна, — мы все отстаиваем свою правоту с трудом, с болью...»

В эту минуту Грант громко спросил:

— Почему ты говоришь от имени народа? Он дал тебе это право?

Тут уж Баблюев получил случай проявить свои качества. Мгновенно он возник возле Гранта и с благодушно-укоризненным лицом стал ему что-то выговаривать, оттягивая в сторону — подальше от оратора.

Грант бормотал:

— Ничего, ничего, иначе нельзя...

Вова кричал грозно:

— Я мог бы помешать тебе работать. Но не сделал этого! А ты мне рот затыкаешь?..

Сразу стало шумно.

Тосунян невозмутимо прихлебывал кофе. Среди своих сотрудников он быстро навел бы порядок. Но здесь Енок Макарович предпочитал не вмешиваться. Здесь главным был старый художник, который тоже сидел спокойно, глядя на картину сощуренными глазами. Потом старик глубоко вздохнул, поднялся, и сразу все стихло. Негромкий голос отозвался в каждом уголке зала:

— Я возьму на себя смелость говорить от имени народа...

Он замолчал, и аплодисменты — нестихающие, дружные — вспыхнули над всеми столиками. Художник слушал, улыбаясь и покачивая головой. Затем начал говорить спокойно, неторопливо, обращаясь то к Госуняну, то к Гранту, то к кому-нибудь из гостей.

— Поехал я прошлой осенью в одно село, любимое мной по впечатлениям юности. Я очень хорошо помнил дом моего родственника — над ним росло большое тутовое дерево. Когда я молодым спал на крыше, ягоды падали на одеяло. Помнил я родник — на его камнях была красивая резьба, и молодые женщины приходили сюда за водой. Помнил тропинку, уводящую в горы, кусты ежевики вместо изгороди в садах. Мне казалось, что если я увижу все это, то снова помолодею. Но ничего знакомого я не увидел. Дом был другой. Тутовое дерево высохло. Источник иссяк. Тропинка в горах превратилась в обыкновенное пыльное шоссе. И мне стало грустно. Родственники очень старались меня развлечь, даже в кино водили, но я тосковал. А потом встретил соседа — ровесника своего, друга молодости. Думаю — вот кто меня поймет! Пошли мы с ним гулять. «Помнишь, говорю, Никол, наш родник? Вот вкусная вода была... Помнишь, старая церковь стояла, во дворе трава росла, я с тех пор такой зеленой травы нигде не встречал! А по той тропке, где сейчас машины бегают, мы с тобой на охоту ходили...» Вспоминал, вспоминал, сам растрогался, старика растрогал. Он даже прослезился и говорит мне: «Спасибо, что напомнил, а то мы уж забывать стали, как раньше жили. Жена за километр к этому роднику бегала, а теперь жалуется, что кран во дворе, — хочет водопровод в комнату. Раньше на телеге в город двое суток тряслись, сейчас за три часа доезжаем. А если бы не больница, что на месте старой церкви стоит, вряд ли я с тобой сегодня разговаривал бы — я в земле лежал бы! В прошлом году у меня грыжа ущемилась, спасибо срочно операцию сделали. Как хорошо ты мне все напомнил, спасибо тебе!»

В зале давно все смеялись и хлопали. Старик притянул к себе Гранта.

— Художник должен смотреть вперед. Мы посралим мастерство наших предков, если не превзойдем их. Надо глубже осмысливать мир, в котором нам дано счастье жить.

Потом он еще сказал:

— Я, конечно, не могу утверждать, что ты и твои товарищи написали совершенную вещь...

Все обернулись к картине. У Гранта снова стало счастливое лицо.

Рузанна подумала: «Вот и хорошо. Было бы труднее оставить его несчастным...»

Она попросила Армена:

— Дай мне ключ от мастерской. Я потом положу его под лестницу...

Хотелось уйти незамеченной, но Грант догнал ее у самого выхода. Он затащил ее в маленькую комнатку около вешалки; там еще пахло краской, лежали какие-то доски, стояли бидоны с олифой, валялся инструмент.

— Почему ты уходишь?

— Но ведь все кончилось... Мне надо еще поработать. И сегодня придется еще кое-куда пойти.

Грант сказал:

— Как странно, что у тебя какая-то отдельная от меня жизнь. Почему так получилось? Это неправильно!

— Мы будем обсуждать это сейчас?

Он отстранился, выпуская ее из чулана. Рузанна пожалела его.

— Вероятно, ты договорился посидеть с товарищами после обсуждения?

Он кивнул.

— А ты меня даже не поздравила...

Верно. Она его не поздравила с завершением большой работы, с удачей, с радостью.

Не думая о том, что их могут увидеть, она притянула к себе его голову и поцеловала в глаза, в губы.

— Когда я увижу тебя, Рузанна?

Она помахала ему перчаткой.

Грант опять удержал ее.

— Рузанна, но ведь ты знаешь, как я к тебе отношусь...

Нет, если б он даже сказал: «Как я тебя люблю!» — ничто не изменилось бы...

В мастерской нельзя было ни медлить, ни вспоминать. Картина, которая называлась «Любовь», принадлежала ей. Рузанна сняла ее со стены, свернула в трубочку и унесла. И сейчас картина висит в ее комнате, теперь стены уже не такие пустые. А потом в этой комнате появится маленький человек, которого ей предстоит выкормить, вырастить и воспитать. И ни трудности, ни счастье не минуют ее. Любовью и материнством будет отмечена ее жизнь.

...Тосунян закончил вступительную речь. Не слушала его одна только Рузанна. Она позволила себе на глазах у множества людей маленький отдых за длинным зеленым столом. А теперь надо быть очень внимательной, чтобы не пропустить ничего важного.

Стало совсем тихо, как всегда бывает после доклада. Это уж обычно — вначале никто не хочет выступать, каждого надо уговаривать, а под конец все требуют слова по несколько раз...

Но Тосунян не стал ждать. Он оглядел зал.

— Мириджанян... Ну, давай, давай!

Крупный красивый директор Обувьторга поднялся, торопливо вытаскивая из кармана блокнот.

Тосунян откинулся на спинку стула и закурил.

— Запишешь главное, — сказал он Рузанне. — Слушаем тебя, — кивнул Мириджаняну.

Тот откашлялся и, подняв блокнот к лицу, слегка запинаясь, начал читать:

— «Подлинно социалистическая торговля немыслима без постепенного обновления и совершенствования материально-производственной базы... Технический прогресс и новаторство... Этот принцип нашей торговли...»

Тосунян перебил его:

— Постой. Ты что, теоретический доклад построил? Ближе к делу.

Мириджанян судорожно перекинул несколько страниц блокнота, нашел нужный абзац и, набрав воздуха, начал снова:

— «В тысяча девятьсот седьмом году было реализовано... По сравнению с предыдущим годом...»

— Закрой блокнот, — приказал Тосунян. — Мне твой отчет не нужен. Иди сюда.

В зале вздохнули.

Наступая на ноги соседям, директор Обувьторга вытиснулся из рядов и подошел к столу.

— Теперь скажи: почему в наших обувных магазинах нет ни пинеток, ни гусариков?.. И вообще мало детской обуви. Вот объясни это обстоятельство.

— Енок Макарович... Вы знаете, что был спор — наше это дело или галантереи. Потом еще скажу: фабрики предполагали из отходов производить — не освоили.

— А вы добивались?

— Нерентабельно, Енок Макарович... Ни производству, ни нам... Такая вещь...

И выражением лица, и жестами Мириджанян демонстрировал ничтожество предмета, о котором идет речь. Большим и указательным пальцами он показывал размеры пинеток и пожимал плечом.

— А тебе известно, что наша республика на первом месте по рождаемости детей? Ты об этом думал? Не думал. Хорошо. Про модельную дамскую обувь что можешь сказать? Не идет?

— Почему не идет, Енок Макарович? Кто сказал — не идет?

— Конкретно, конкретно...

Мириджанян молчал. Он и не думал, что на сегодняшнем совещании придется говорить о дамской обуви.

— Не знаешь? Ну, я скажу. Уже год женщины ходят на таких тонких каблуках, — Тосунян поднял автоматическую ручку, — а ваши ателье, как десять лет назад, колонны вместо каблуков ставят.

Мириджанян что-то пытался объяснить. Енок Макарович отвернулся.

— Садись. Алекян, иди ты, скажи...

Участники совещания больше не вынимали блокнотов с заготовленными речами. В записи заглядывали только для справок.

Директор Текстильторга вообще попытался уклониться от беседы. Вместо себя он подsunул заместителя. К столу вышел низенький молодой человек с пышными, вздыбленными над головой волосами.

«Он их взбивает, чтобы увеличить рост», — подумала Рузанна.

Заместитель говорил коротко, внес несколько дельных предложений. По знаку Тосуняна Рузанна их записала.

Тосунян спрашивал так же коротко:

— Почему нет ассортимента бумазеи? Как с ситцем? Какие претензии к местному производству?

И кивал, выслушивая ответы.

Толстый, неповоротливый Маркосов сидел довольный, улыбался и, глядя на министра, тоже кивал круглой головой. Но он радовался преждевременно.

Енок Макарович окликнул его:

— Маркосов, а как у тебя с затовариванием крепдешина и вообще шелков?

Тот вскочил и растерянно заметался, шаря по карманам.

— Не волнуйся, не волнуйся, дорогой, — безразличным голосом проговорил Тосунян. — Что, действительно плохо у тебя с шелками?

— Плохо, — подтвердил Маркосов.

— Почему? Может, расцветки не те?

Лохматый юноша, уловив беспомощный взгляд своего директора, начал быстро и обстоятельно все объяснять. Но Тосунян сухо перебил его:

— Я не у вас спрашиваю. Идите. И ты садись, — махнул он директору Текстильторга. А Рузанне негромко сказал: — Отметь, пусть заготовят приказ об освобождении Маркосова.

Вызвал одобрение Тосуняна директор большого магазина готового платья Кирьян.

— У нас еще пережитки на каждом шагу, — заявил он. — У нас в этот универмаг «Детский мир» придут и курдянки, что детей за спиной таскают, и горянки, у которых младенец к люльке накрепко привязан. Я предлагаю, чтоб в отделе для самых маленьких женщина наглядно ребенка пеленала — в целях обучения — во всякие эти подгузники, нагрудники, как полагается...

В зале засмеялись.

— А где возьмешь ребенка?

Кто-то крикнул:

— Для этого консультации есть!

— Ну, куклу, куклу, — поправился Кирьян. — А консультация тоже пусть свое дело делает. Кашу маслом не испортишь.

Тосуняну понравилось.

— Запиши.

К концу заседания он сказал:

— Тут мы наметили еще одно мероприятие. Необходимо ознакомиться с постановкой дела в крупных центрах — в наших союзных республиках и за рубежом. Думаем отправить вот Рузанну Аветовну, пусть поедит, посмотрит: Москва, Ленинград, Болгария, Чехословакия. Не на один день строим...

Рузанна положила карандаш. Это предложение было для нее новостью!

Уехать... Лучше ли это? Раньше такая поездка стала бы огромным событием в размеренном течении ее жизни. Сейчас это облегчит все решения. Рузанна будет ходить по улицам чужих городов, зная, что не встретит Гранта. Привыкнет спокойно брать телефонную трубку и забудет его голос.

Уехать — это правильно.

Оказывается, многим было известно не только то, что Рузанна едет в командировку, но даже ее маршрут. Едва окончилось заседание и зашумели отодвигаемые стулья, Рузанну окружили товароведы — у каждого было к ней какое-нибудь поручение.

В комнату заглянула Зоя. Она еще ничего не могла знать о предстоящей поездке. Почему же у нее такое оживленно-радостное лицо?

— К телефону тебя, скорее!

Рузанна торопливо вышла в коридор.

— Три раза звонил, — торжествующе шептала Зоя. — Наконец я сжалилась, пообещала, что вытащу тебя с заседания.

Сейчас он скажет: «Встретимся сегодня в мастерской...» А этого больше не надо. Хорошо, что Грант был в ее жизни. Но сейчас ему нет в ней места...

В коридоре появился Тосунян.

— Ты еще здесь? — спросил он. — Слушай, оформляйся скорее. Лететь можешь? Ну, зайдешь ко мне...

Рузанна подождала, пока Енок Макарович скрылся в кабинете своего заместителя.

— Зоя, скажи, что меня нет.

От удавления глаза Зои сделались круглыми, как голубые клипсы в ее ушах.

— Скажи, что я очень занята и подойти к телефону не могу...